

АЛЕКСЕЙ ВОРОНЕЖСКИЙ

МЕЖЗВЁЗДНЫЙ КОМАНДИРОВАННЫЙ

ЗЕМЛЮ ПРОДАЛИ ЗА ДОЛГИ.
У ПЛАНЕТЫ ЕСТЬ 30 ДНЕЙ И ОДИН МАСТЕР ПО ДОМОФОНАМ.

Алексей Воронежский Межзвёздный командированный

<https://litres.ru/74688008>

SelfPub; 2026

Аннотация

До сноса Земли — тридцать дней. Планету продали за долги межгалактической управляющей компании, и на её месте построят парк развлечений с «аутентичными аборигенами». Защищать Землю в Межзвёздной Палате отправляют того, кто по Регламенту оказался её полномочным представителем, — мастера по домофонам Семёна Лапшина из Воронежа. В комплекте: чемоданчик с инструментами, домовый, ИИ в зубной коронке, кот-аудитор и тапки «Лучший дед». Потому что сменная обувь обязательна.

**Алексей Воронежский
Межзвёздный
командированный**

ME
KON

Межзвёздный

командированный

Юмористическая космическая фантастика

Алексей Воронежский

Глава 1. Заявка № 4417

До сноса Земли: 30 дней

«Абонент, не уведомивший Управляющую Компанию о своём существовании, считается уведомлённым».

Регламент ГУК, статья 1, пункт 1

«Домофон опять разговаривает. Прошу принять меры, а то я его боюсь, а он меня нет».

Жалоба жильцов подъезда № 1, ул. Лизюкова, 59, г.

Воронеж

Если вы думаете, что спасение человечества начинается с красной кнопки, генерала в фуражке или хотя бы с метеорита —

вы ошибаетесь. Оно начинается с заявки. Конкретно моё началось с заявки № 4417, пятничной, вечерней, с пометкой

«срочно» и припиской диспетчерши Люды: «Сёма, там опять

Зинаида Петровна. Сходи, а то она в прокуратуру напишет».

Зинаиду Петровну в нашем «Домофон-Сервис Плюс» знали

все. Восемьдесят два года, бывший завуч, слух как у ле-

тучей

мыши и характер как у налоговой. За последний год она вызывала нас одиннадцать раз. Домофон у неё то «щёлкал с

намёком», то «пищал не по-нашему», а один раз, по её словам,

«вздыхал». Мы меняли платы, трубку, кнопки и однажды, честно

скажу, саму Зинаиду Петровну пытались поменять на другую

заявку, но диспетчерская не дала.

Я Семён Анатольевич Лапшин, тридцать четыре года, мастер шестого разряда по домофонам, разведён, ипотека на однушку на Левом берегу, кот Робинovich. Кот — это важно, запомните. Остальное можно забыть, я и сам часто забываю.

Подъезд встретил меня запахом кошек, жареного лука и чьего-то большого семейного горя — кто-то на третьем этаже

второй час подряд слушал Стаса Михайлова. Зинаида Петровна

2

ждала у двери в боевой готовности: халат, бигуди, тапки с помпонами и выражение лица, с каким раньше встречали двоечников у доски.

— Лапшин, — сказала она вместо «здравствуйте». —

Опять

ты.

— Опять я, Зинаида Петровна. Что у нас на этот раз?

— Он разговаривает.

— Кто?

Она молча показала на домофон. Старый, серый, ещё советский — таких в Воронеже осталось штук пять, и все почему-то в этом доме. Корпус пожелтел, кнопки стёрлись, а на

табличке вместо фирмы-изготовителя было выбито странное

«ХП-87». Я всегда думал, что это «Харьковский приборный». Ох, как же я ошибался.

— Зинаида Петровна, домофоны не разговаривают.

Разговаривают люди через домофоны. Это как телефон.

— Ты меня, Лапшин, физике не учи, я её тридцать лет в школе слушала через стенку. Он разговаривает сам. Каждый

вечер в восемь ноль-ноль. Вежливо так, с выражением.

«Уважаемый абонент», говорит.

— Может, реклама? Сейчас кто только не звонит. Банки, юристы, бесплатная проверка счётчиков...

— Реклама, Сёма, не называет меня «представителем углеродной формы жизни сектора Ж-12». — Зинаида Петровна

поджала губы. — Я, между прочим, ветеран труда.

Я посмотрел на часы. Без двух восемь. Ну что ж, подумал я, подожду две минуты, послушаю тишину, напишу в акте «неисправность не подтверждена» и поеду домой кормить Робиновича, пока он не начал мстить. Мстит Робинович изобретательно и всегда в мои ботинки.

В 19:59 из трубки зашипело.

3

В 20:00 шипение кашлянуло. Именно кашлянуло — интеллигентно, в кулачок, как кашляет человек, который сейчас

попросит у вас денег.

И приятный мужской голос с лёгким металлическим отзвуком произнёс:

— Абонент Земля, добрый вечер. Говорит автоматическая

служба уведомлений Галактической Управляющей Компании.

Ваша регистрация во Вселенной истекает через тридцать стандартных суток. Для продления нажмите «один». Для оспаривания нажмите «два». Для связи с оператором оставайтесь на линии. Ваш звонок очень важен для нас.

Заиграла музыка. Что-то среднее между Вивальди и звуком, с каким падает в подъезде ведро.

Зинаида Петровна посмотрела на меня взглядом завуча, который был прав, есть прав и будет прав.

— Ну? — сказала она.

Я сделал то, что сделал бы на моём месте любой нормальный мастер шестого разряда. Достал отвёртку, снял

крышку и полез смотреть, кто там такой умный.

Это, как выяснилось позже, была главная ошибка в моей жизни. Ну, вторая. Первой был брак.

* * *

Под крышкой оказалось не то, что я ожидал.

Я за двенадцать лет вскрыл, наверное, тысячи три домофонов. Я знаю их изнутри лучше, чем собственный холодильник. Плата, реле, трансформатор, клубок проводов,дохлый паук — стандартный набор. Иногда ещё записка от

предыдущего мастера: «Не трогай синий, он для красоты».

Здесь паук тоже был. Живой, к слову, и очень недовольный.

А вот всё остальное...

4

Плата была не зелёная, а перламутровая. Она слегка светилась, как экран телефона ночью под одеялом. Дорожки на

ней не лежали ровно, как положено нормальным дорожкам, а

медленно переползали с места на место. Будто кто-то налил на

текстолит ртути, а она передумала застывать. В центре сидела

штуковина размером с пятирублёвую монету. Она гудела. Не

электрическим гулом, а так, знаете, задумчиво. Как холодильник, который о чём-то вспомнил.

Паяльника, понятное дело, она бы не пережила. Я бы, впрочем, тоже.

— Ну что там? — Зинаида Петровна вытянула шею.

— Плата, — сказал я честно.

— Я вижу, что не пирожок. Чинить будешь?

Я посмотрел на перламутровое нечто. Нечто, как мне показалось, посмотрело на меня.

— Зинаида Петровна, — сказал я осторожно. — Это не наша модель.

— А чья?

Хороший вопрос. Музыка в трубке тем временем закончилась и началась снова, с того же места. Вивальди и ведро. По кругу. Я понял, что ждать оператора можно до пенсии, причём не моей, а Зинаиды Петровны, которая на пенсии уже лет двадцать.

И тут во мне проснулся мастер шестого разряда.

Есть у нас, у домофонщиков, один профессиональный секрет. Если долго висишь на линии с поставщиком, надо

нажать решётку, потом ноль, потом снова решётку. Попадаешь

сразу на живого человека. Работает в «Ростелекоме», в банке и в

поликлинике. Я подумал: а чем Вселенная хуже поликлиники?

Я снял трубку и нажал «решётку», «ноль», «решётку». Музыка оборвалась. В трубке что-то булькнуло, потом раздался усталый голос. Не тот, приятный и металлический, а

5

совсем другой. Так говорит человек, у которого конец смены, болит спина и третий час подряд звонят по одному и тому же вопросу.

— Оператор восемьсот сорок три, сектор Жэ-двенадцать,

сказал голос. — Как я могу к вам обращаться?

— Семён, — сказал я. — Семён Анатольевич.

— Очень приятно, Семён Анатольевич. Чем могу помочь?

Я растерялся. За двенадцать лет мне ни разу не задавали этот вопрос операторы. Обычно это я отвечаю на него жильцам.

— Тут у вас домофон разговаривает, — сказал я. — Жильцы

жалуются.

— Секундочку. — В трубке защёлкали клавиши. Много клавиш. Мне показалось, что у оператора не две руки. —

Так.

Вижу. Абонентский пункт номер один, планета Земля, город Вэ-ро-нэжж. Верно?

— Воронеж.

— Я так и сказал. Значит, по вашему абоненту, Семён Анатольевич, следующая информация. Регистрация планеты

оформлена в вашем году тысяча девятьсот шестьдесят первом.

Основание — первый пилотируемый облёт. Это у нас приравнивается к подписанию договора.

— Гагарин, что ли?

— Фамилию подписанта не вижу, тут стоит только смайлик.

Улыбка, как я понимаю.

Да, подумал я. Это точно Гагарин.

— С тех пор, — продолжал оператор, — абонентская плата по

вашей планете не поступала. Ни разу. Шестьдесят пять лет.

Начислены пени. Уведомления направлялись регулярно, на этот

абонентский пункт, ежедневно в восемь ноль-ноль по

местному

времени.

Я посмотрел на Зинаиду Петровну. Зинаида Петровна посмотрела на меня. «Я же говорила», — сказали её бигуди.

6

— Так вы бы хоть письмом, — сказал я. — По почте. Мы бы прочитали.

— Почта у вас, Семён Анатольевич, к сожалению, не сертифицирована. Мы пробовали в семьдесят девятом.

Письмо

до сих пор идёт.

С этим я спорить не стал. Почту я знаю.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь долг по вашей планете выставлен на продажу.

Его

выкупает «Пангалактик Девелопмент». У них проект: тематический парк «Дикая планета», аборигены в естественной

среде. Начало работ через тридцать стандартных суток.

Ну, то

есть снос.

— Чего снос?

— Земли, — сказал оператор. Буднично так. Как говорят «отключение горячей воды с двенадцатого по двадцать

шестое».

Я помолчал. Шансон на третьем этаже как раз дошёл до припева. Где-то хлопнула дверь. Пахло луком. Мир вокруг был

совершенно обычный, воронежский и пятничный. Сносить его

было, честно говоря, жалко.

— А оспорить можно? — спросил я.

— Конечно. Это ваше право. Оспорить решение может полномочный представитель абонента. Лично. В Межзвёздной

Палате. При наличии полного пакета справок.

— А кто у нас полномочный представитель?

— Сейчас посмотрю. — Клавиши. — Так... не назначен.

—

Пауза. — Подождите. А вы кто, Семён Анатольевич?

Вот тут, если бы у меня было время подумать, я бы, наверное, повесил трубку. Или сказал бы «никто». Или «я ошибся номером». Но времени не было. А была многолетняя привычка

отвечать на этот вопрос одинаково.

— Мастер, — сказал я. — Шестого разряда. Обслуживаю этот аппарат.

7

— Мастер, — повторил оператор. Что-то записал. —

Обслуживающий абонентский пункт. Имеющий физический

доступ к ретранслятору... Так. Семён Анатольевич, а вы же

понимаете, что по Регламенту лицо, обслуживающее абонентский пункт, является полномочным представителем

абонента при отсутствии иного назначенного лица?

— Не понимаю, — сказал я честно.

— Ну, я вам объясню. Вы теперь полномочный представитель. Поздравляю. Ожидайте вызова. Спасибо за

обращение, оцените, пожалуйста, мою работу по шкале от одного до двенадцати.

— Подождите, какого вызова? Я...

Но в трубке уже снова играли Вивальди с ведром.

Я положил трубку. Посмотрел на плату. Плата гудела. Мне показалось, что теперь как-то торжественно.

— Ну? — снова сказала Зинаида Петровна.

— Неисправность не подтверждена, — сказал я и закрыл крышку.

* * *

Домой я ехал на последней маршрутке и всю дорогу думал.

Думал я, по правде сказать, не о судьбе человечества. Я думал о

том, что меня, кажется, развели. Новый вид телефонного мошенничества. Сначала тебя назначают полномочным представителем Земли, а потом просят продиктовать код

из

СМС. Удобно. Под такое дело любой продиктует.

Правда, мошенники обычно не ставят в подъездах светящиеся платы. Это дорого. Мошенники экономят.

А ещё был паук. Паук, который смотрел на меня из-под крышки с выражением «ну ты, брат, попал». У нормаль-

ных

8

пауков такого выражения не бывает. Я двенадцать лет смотрю

на пауков, я знаю.

Робинович встретил меня в коридоре. Сидел посреди коврика, большой, пушистый, сибирский. Серебристый в тёмную полосу, с белой манишкой на груди — как начальник в

парадной рубашке. И абсолютно неподвижный. Хвост обёрнут

вокруг лап. Так сидят таможенники и египетские статуи. — Привет, — сказал я. — Есть хочешь?

Робинович не ответил. Обычно он отвечает. Обычно он отвечает на этот вопрос так, что слышат соседи снизу. А тут он

просто смотрел. Причём не на меня, а на мой рабочий

чемоданчик. Внимательно так смотрел, по-деловому. Как будто проверял, всё ли я принёс.
— Ты чего? — спросил я.

Робинович моргнул, встал и пошёл на кухню. Медленно.

С

достоинством. Как начальник, который получил отчёт и пока не

решил, увольнять тебя или нет.

На кухне меня ждал сюрприз номер два. Посуда была вымыта.

Я точно помню, что утром оставил в раковине сковородку, две тарелки и кружку с остатками чая, похожими на бо-лотную

экосистему. Теперь всё стояло на сушилке. Сковородка блестела.

На столе лежала моя пачка заварки, и пачка была аккурат-но

закрыта прищепкой. У меня нет прищепок. У меня нико-гда не

было прищепок.

— Робинович, — сказал я. — Это ты?

Кот посмотрел на меня как на идиота. Справедливо, в общем-то.

Я списал всё на усталость. Мало ли. Может, я сам помыл и забыл. Бывает же такое. Говорят, бывает. Я решил, что

если

завтра обнаружу на кухне ещё и выглаженные рубашки,
то пойду

9

к врачу. А пока налил Робиновичу корма, себе — чаю, и
сел

перед телевизором.

По телевизору говорили про курс доллара, про погоду и
про

то, что учёные зафиксировали необычные радиосигналы
со

стороны созвездия Лебеда. Учёные недоумевали. Я не
недоумевал. Я думал: интересно, это тоже в восемь ноль-
ноль?

Где-то за спиной, в коридоре, тихонько скрипнула дверца
шкафа. Я обернулся. Дверца была закрыта. Рядом с ней
стоял

мой рабочий чемоданчик. Я мог бы поклясться, что оста-
вил его у

порога. Теперь он стоял у шкафа. Ровно. Будто его кто-то
поставил на место.

Я посмотрел на Робиновича. Робинович посмотрел на
чемоданчик. Потом на меня. Потом снова на чемоданчик.

И

вдруг очень тихо, почти шёпотом, сказал:

— Мр.

Не «мяу». Именно «мр». Короткое и с интонацией. Если бы я

не знал, что это кот, я бы решил, что это «ну-ну».

Спать я лёг в половине первого. Уснул почти сразу.

Проснулся в три ноль-ноль.

Проснулся от звонка.

Звонил домофон. Мой собственный, на стене у входной двери. Обычный, китайский, я сам его ставил три года назад. Он

не умел звонить сам по себе. Он вообще мало что умел, честно сказать.

Я встал, дошёл до коридора и снял трубку. Робинovich уже сидел рядом, торжественный, как свидетель на свадьбе.

— Алло, — сказал я хрипло.

— Полномочный представитель абонента Земля, Лапшин Семён Анатольевич? — Это был тот самый голос. Приятный и металлический.

— Ну...

10

— Ваш вызов подтверждён. Явка — сегодня, в двадцать ноль-ноль по местному времени, по адресу установки ретранслятора. Иметь при себе документ, удостоверяющий личность, и сменную обувь. Опоздание приравнивается к

отказу

от представительства. Отказ от представительства приравнивается к согласию со сносом. Хорошего вам дня. Щелчок. Тишина.

Я стоял в тёмном коридоре в трусах и с трубкой в руке.

Робинович сидел у моих ног. В шкафу что-то очень тихо, по-стариковски, вздохнуло.

— Сменную обувь, — сказал я вслух. — Сменную обувь, Робинович. Ты понимаешь?

Робинович понимал. По его лицу было видно, что он понимает гораздо больше, чем я.

До сноса Земли оставалось двадцать девять дней и семнадцать часов. А у меня, между прочим, порвались кроссовки.

11

Глава 2. Ваш звонок очень важен для нас

До сноса Земли: 29 дней

«Сменная обувь обязательна. Абонент, прибывший без сменной обуви, считается прибывшим босиком».

Регламент ГУК, статья 4, пункт 12

«В подъезде № 1 постоянно кто-то гремит в домофоне. Если это опять Лапшин, передайте ему, что у меня давление».

Жалоба жильцов подъезда № 1

* * *

Утром я решил, что мне всё приснилось.

Это очень удобное решение. Я его рекомендую всем, у ко-
го

ночью звонит домофон и требует сменную обувь. Вста-
ешь, умываешься, говоришь себе: «Приснилось», — и жить
сразу

становится легче. Главное — не смотреть по сторонам.
Я посмотрел по сторонам. На кухне опять было чисто. На
столе стояла кружка с горячим чаем. Я не наливал себе
чай. Я

вообще только что встал.

— Робинович, — сказал я. — У нас кто-то живёт.

Робинович ел. Когда Робинович ест, мир для него пере-
стаёт

существовать. Можно взрывать атомную бомбу, он доест
и

только потом посмотрит, что там бахнуло.

Чай я выпил. Чай был хороший, с чабрецом. У меня нет
чабреца. Я решил об этом не думать и поехал на работу.

* * *

12

На работе всё было как всегда, и это меня немного
успокоило. Диспетчер Люда красила ногти и одновремен-
но

ругалась по телефону с жильцами с Северного. Мастер Ге-
на спал

в подсобке на коробках с трубками. Начальник, Виктор Палыч, говорил кому-то в кабинете, что план по заявкам горит синим

пламенем. Нормальная пятница. То есть суббота. У нас в субботу

работают, потому что домофоны ломаются без выходных. У них, видимо, нет профсоюза.

— Люда, — сказал я. — Помнишь вчерашнюю заявку?

— Зинаиду Петровну? — Люда подула на ноготь. — А что, опять звонила?

— Нет. Слушай, а если бы тебе сказали, что Земля через тридцать дней будет снесена под парк развлечений, ты бы что

сделала?

Люда подумала.

— Отпуск бы взяла, — сказала она. — За свой счёт.

Вот это, я понимаю, деловой подход. Я тоже хотел взять отпуск, но Виктор Палыч отпусков не давал с две тысячи девятнадцатого года. Говорил, что отпуск — это когда работаешь, а тебе ещё и не платят, и зачем это нормальному

человеку.

— А если бы тебя назначили, — не отставал я, — ну, ответственной? Защищать Землю?

Люда посмотрела на меня внимательно. Так смотрят на мужчину, который вчера, видимо, сильно отмечал пятни-

цу.

— Сёма, — сказала она мягко. — Сходи к Гене в подсобку.

Поспи.

Я не пошёл к Гене. Я пошёл на заявки. Их было шесть, все по

Воронежу. Я починил трубку на Плехановской, поменял кнопку

на Кольцовской и полчаса объяснял бабушке на Донбасской, что

код от подъезда нельзя менять каждый день, даже если очень

хочется. А в обед зашёл в обувной магазин.

13

Продавщица спросила, что мне нужно. Я сказал: «Сменная

обувь». Она спросила: «Для чего?» Я сказал: «Для явки в Галактическую Управляющую Компанию».

Она не удивилась. В Воронеже вообще трудно кого-то удивить. Она продала мне тапочки. Клетчатые, войлочные, сорок третий размер, с надписью «Лучший дед». Других в сорок

третьем не было.

— Внукам понравится, — сказала продавщица.

У меня нет внуков. У меня даже детей нет. У меня есть кот, ипотека и, как выяснилось, обязательства перед Вселен-

ной. Но

тапки я взял. Тапки, если честно, были удобные.

* * *

В семь вечера я стоял дома в коридоре и собирался.

Собираться на явку в космос оказалось сложнее, чем в командировку в Тулу. В Тулу понятно, что брать. А что берут в

космос? Скафандр у меня отсутствовал. Бластера не было.

Были

паспорт, тапки «Лучший дед» и рабочий чемоданчик.

Чемоданчик я решил взять. Без чемоданчика мастер — не мастер. Это как хирург без скальпеля или Виктор Палыч без

жалобы на план. В чемоданчике у меня было всё необходимое: отвёртки, мультиметр, пассатижи, изолента синяя, изолента

чёрная, моток провода, паяльник, запасные кнопки, пачка печенья «Юбилейное» и универсальный ключ-«таблетка».

Таблетка — это такая штуковина для домофонов. Открывает

почти любой подъезд в Воронеже. Ну, почти любой. Кроме того, где живёт Виктор Палыч, — там стоит немецкий замок, и Виктор

Палыч им очень гордится.

Я открыл чемоданчик, чтобы положить туда тапки. И

остановился.

14

Чемоданчик был собран. Аккуратно, по-хозяйски. Отвёртки

лежали по размеру. Провод был смотан ровной восьмёркой, как

я никогда в жизни не сматывал. Изолянты лежали рядом, синяя

к синей, чёрная к чёрной. Печенье переложили в пакет с застёжкой. А в углу, где у меня обычно валяются сломанные

кнопки, теперь лежал свёрток. Маленький, в чистой тряпичке. Я

развернул его. Там были: краюшка чёрного хлеба, щепотка соли

в бумажке и — я не шучу — малосольный огурец.

— Робинович, — сказал я. — Скажи честно. Это ты огурцы

солишь?

Робинович сидел на табуретке и смотрел на чемоданчик. Как

вчера. Внимательно и по-деловому. Будто принимал багаж.

Я положил тапки поверх огурца, закрыл чемоданчик и пошёл.

* * *

У подъезда № 1 меня ждали.

Зинаида Петровна сидела на лавочке в пальто, в шапке и с термосом. Рядом сидела её соседка, Валентина Ивановна, тоже с

термосом. А чуть подальше, у мусорных баков, стоял сосед с

первого этажа, Михалыч, в майке и с пивом. Термоса у него не

было, но было видно, что он готов ко всему.

— Это что? — спросил я.

— Это мы пришли посмотреть, — сказала Зинаида Петровна.

— Мне Валя не верит.

— Я верю, — обиделась Валентина Ивановна. — Я просто хочу увидеть.

— А я ничего не хочу, — сказал Михалыч. — Я тут всегда стою.

Я подумал, что у меня ровно три свидетеля. Если меня сейчас утянет в космос, им никто не поверит. Если меня не

15

утянет — мне никто не даст забыть этот вечер. Зинаида Петровна будет рассказывать его на всех лавочках Воронежа до

конца своих дней, а у неё, судя по характеру, их ещё много.

Без одной минуты восемь я подошёл к домофону.

В восемь ноль-ноль трубка кашлянула.

— Полномочный представитель абонента Земля, добрый вечер, — сказал приятный металлический голос. — Бла-

годарим

за своевременную явку. Пожалуйста, подтвердите вашу личность. Приложите документ к считывателю.

Я посмотрел на домофон. Считыватель у него был один — круглая выемка для таблетки. Я достал паспорт и прило-

жил его к

выемке. Ну а что ещё было делать?

— Личность подтверждена, — сказал голос. — Лапшин

Семён

Анатольевич. Мастер шестого разряда. Семейное положение: разведён. Домашнее животное: кот. Кредитная нагрузка: высокая. Благодарим вас.

— Откуда вы про ипотеку знаете? — спросил я.

— Ваш звонок очень важен для нас, — уклончиво ответил голос. — Пожалуйста, наденьте сменную обувь.

Я поставил чемоданчик на асфальт, открыл его, достал тапки и надел. Прямо поверх носков, на улице, в ноябре. Валентина Ивановна ахнула. Михалыч отпил пива.

— «Лучший дед», — прочитала Зинаида Петровна. — Сёма, ну ты хоть бы предупредил.

— Сменная обувь подтверждена, — сказал голос. Мне показалось, что голос усмехнулся. — Пожалуйста, возъ-

мите в

руки ваш багаж и снимите крышку абонентского пункта.
Я взял чемоданчик в левую руку. Правой открутил четыре
винта и снял крышку. Перламутровая плата светилась яр-
че, чем

вчера. Дорожки на ней бегали быстро-быстро, как му-
равьи

перед дождём. Паук сидел в углу. Увидев меня, он отвер-
нулся.

Мне показалось, что ему за меня стыдно.

16

— Пожалуйста, коснитесь ретранслятора, — сказал голос.

—

Отправление через три... два...

— Подождите! — сказал я. — А обратно-то как?

— Ваш звонок очень важен для нас, — сказал голос. —

Один.

Я коснулся платы.

* * *

Есть такое выражение — «как будто тебя пропустили че-
рез

мясорубку». Так вот, это неправда. Через мясорубку про-
ходят

быстро, и в конце из тебя получается фарш. Это хотя бы
понятно.

Меня пропустили через провод.

Я почувствовал, как становлюсь тонким. Очень тонким, тоньше волоса. Потом меня потянуло вперёд, и я полетел.

Вокруг была темнота, а в темноте шёл ток. Я это знаю точно, потому что двенадцать лет имею дело с током. Только этот ток

был не наш, не двести двадцать. Он был какой-то... разговорчивый. По нему летели голоса, тысячи голосов. Кто-то

ругался. Кто-то пел. Кто-то на непонятном языке диктовал

номер заказа. Где-то совсем рядом очень знакомо сказали: «Вы

находитесь в очереди. Ваш номер в очереди — восемьсот сорок три миллиона».

Я понял, что лечу по линиям связи всей Галактики. И что в этой Галактике, похоже, тоже никто не может дозвониться в поликлинику.

Сколько это длилось, не знаю. Может, секунду. Может, год. В

какой-то момент я почувствовал, что всё ещё держу чемоданчик, и вцепился в него обеими руками. А потом впереди

появился свет, меня выплюнуло, как косточку из вишни,

и я

упал.

17

Упал я на что-то мягкое. Это был ковёр. Ковёр был синий,

с

жёлтыми звёздочками, и на нём было написано крупными буквами на десяти языках. Один из языков, как ни стран-

но, был

русский. Надпись гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ПЕРЕСАДКУ-7. НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ НА КОВРЕ».

Я поднял голову.

* * *

Однажды, ещё в армии, я попал на Казанский вокзал в Москве перед майскими праздниками. Я тогда думал, что

видел

всё. Что больше народу в одном месте собраться не может.

Что

громче быть не может. Что пахнуть сильнее чебуреками и тревогой не может.

Я ошибался.

Пересадка-7 была как Казанский вокзал, только его увеличили в тысячу раз, накрыли стеклянным куполом и выкрасили изнутри в цвет «советская поликлиника». Под куполом висели табло. Огромные, на полнеба. На табло

горели

названия, которых я не мог прочесть, и время, которое я

прочитать мог. Время было интересное. Напротив одного рейса

было написано: «Задержка 3 часа». Напротив другого — «Задержка 3 года». Напротив третьего, самого длинного,

«Задержка 300 лет. Приносим извинения за доставленные неудобства».

Под табло ходили, ползали, катались и летали пассажиры. Я не буду описывать их всех. Во-первых, на это уйдёт отдельная книга. Во-вторых, я многих так и не понял. Был, например, господин, похожий на шкаф с ногами, который вёл на

поводке что-то, похожее на шарф. Шарф, судя по всему, был

главнее: он выбирал, куда идти. Была стайка круглых розовых

существ, которые катились по полу и хихикали. Был пожилой

18

осьминог в шляпе. Он стоял у колонны и читал газету, держа её

сразу четырьмя руками, а пятой почёсывал спину. И очень много было тех, кого я назвал бы просто «туристы». Они были

разные, но у всех было одинаковое выражение лица. Выражение

«где тут туалет и почему так дорого».

Пахло чебуреками. Это я понял сразу и с облегчением. Где-то рядом жарили что-то в масле, и запах был точь-в-точь как у

палатки возле нашего рынка. Мир, подумал я, не так уж и велик, если в каждом его углу кто-нибудь жарит чебуреки.

Я встал с ковра. Подобрал чемоданчик. Посмотрел на ноги.

На ногах были тапки «Лучший дед». Вокруг, насколько хватало

глаз, никто в тапках не ходил.

— Сменная обувь, — сказал я с горечью. — Ну конечно. Динамик над головой хрюкнул и сказал на всю станцию: — Внимание! Вновь прибывших абонентов просим пройти к

окну регистрации номер ноль. Повторяю: к окну номер ноль.

Окно номер ноль находится между окнами номер один и номер минус один.

Я огляделся. Окна были. Много окон, длинный ряд, как в сберкассе. Над каждым висел номер. Номер один я нашёл. Номер минус один тоже нашёл. Между ними была стена. Просто

стена, крашеная, с трещиной. Возле стены стояла очередь. Человек — ну, не человек, конечно, существ — двадцать.

Все

стояли лицом к стене и терпеливо ждали.

Я встал в конец очереди. Что я, не русский человек, что ли?

Очередь я узнаю где угодно. Даже в другой галактике.

Передо мной стоял тот самый пожилой осьминог. Он сложил

газету и вежливо повернул ко мне глаз.

— Вы последний? — спросил я по привычке.

Осьминог что-то ответил. Это было похоже на звук, с каким

булькает чайник. Я не понял ни слова. Осьминог, похоже, тоже

19

не понял моего вопроса, но на всякий случай кивнул. Ну, или как

это у осьминогов называется. Мы постояли.

Очередь не двигалась. Стена тоже.

— Скажите, — снова обратился я к осьминогу, — а давно стоите?

Осьминог подумал и показал на пальцах. Ну, на щупальцах.

Он показал четыре, потом свернул их и показал ещё раз четыре, потом ещё раз. Я не понял, четыре чего — часа, дня или века.

Решил не уточнять.

И тут мой чемоданчик заворчал.

Сначала тихо. Потом громче. Потом он дёрнулся у меня в руке, будто внутри завёлся моторчик. Я чуть его не выронил.

Осьминог отодвинулся. Шкаф с шарфом обернулся. Круглые

розовые существа перестали хихикать и подкатились поближе.

Из чемоданчика донеслось сердитое:

— Да открой ты уже, ирод! Задохнись ведь! Четыре века живу, первый раз в чемодане еду!

Я поставил чемоданчик на пол и щёлкнул замками.

Крышка откинулась сама. Наружу вылетел моток провода.

За

ним — пачка «Юбилейного». А за пачкой из чемоданчика вылез

дед.

Дед был маленький. Сантиметров сорок, не больше. В красной рубахе в горошек, подпоясанной верёвочкой. В лаптях.

С бородой до пояса — седой, но аккуратно расчёсанной. Борода

была заткнута за верёвочку, чтобы не мешала. Глаза у деда были

маленькие, хитрые и очень сердитые.

Дед отряхнулся. Поправил рубаху. Огляделся. Посмотрел

на

табло, на купол, на осьминога, на шкаф и на шарф. Потом посмотрел на меня. И сказал:

— Ну что, хозяин. Доигрался?

Я сел. Прямо на пол, рядом с чемоданчиком. Ноги сами подкосились.

20

— Вы кто? — спросил я.

— Кто-кто, — проворчал дед. — Конь в пальто. Домовой

я

твой. Кузьмич. Четвёртый век при доме состою. Сперва

при

купеческом, при Тулиновых, — вот был дом! Потом, знач-

ит, при

коммуналке. Потом при твоей однушке. Ипотечной, про-

сти

господи.

— Домовой, — повторил я.

— Ну.

— Настоящий.

— Нет, игрушечный, — обиделся Кузьмич. — Кто тебе

посуду

мыл, по-твоему? Кот твой? Кот твой, Сёмушка, только

жрать

горазд да в ботинки гадить. А посуду — я. И чай с чабре-

цом — я.

И огурец положил — я. А то ты бы с голоду помер в своём космосе.

Я посмотрел на огурец. Огурец выкатился из чемоданчика

и

лежал на полу Пересадки-7, рядом с моими тапками

«Лучший

дед». Это было самое земное, что я видел за последний час. Мне

вдруг стало очень тепло.

— Зачем же вы... — начал я. — Зачем вы полезли в чемодан?

Кузьмич подбоченился.

— А затем, — сказал он, — что хозяина одного в дальнюю дорогу не отпускают. Это закон. Это ещё при царе Горохе было

заведено, и не тебе отменять. Хозяин в дорогу — и домовый с

ним. В лапте, в валенке или вот, — он с отвращением пнул чемоданчик, — в ящике этом железном. Тьфу.

— А квартира как же? Без домового?

— Квартира, — сказал Кузьмич, — под присмотром. Кот остался. — Он помолчал и добавил странным тоном: —

Кот у

тебя, Сёмушка, не простой. Ох, не простой.

— В смысле?

Но Кузьмич не ответил. Он смотрел мне за спину. И лицо

у

него стало очень серьёзное.

21

Я обернулся.

Очередь у стены больше не стояла. Очередь расступилась.

По образовавшемуся проходу к нам шло существо. Высокое, метра два с половиной. Худое, как вешалка. Похожее одновременно на богомола, на учителя черчения и на шкаф с

документами. У него было восемь рук. В каждой руке была

папка. Ещё одна папка была зажата под мышкой. Где у него была

мышка, я так и не понял.

На носу — если это был нос — сидели очки. На груди висел

бейдж. Бейдж я смог прочитать, потому что на нём, как и на

ковре, была надпись на русском. Видимо, специально для меня

перевели.

Надпись гласила: «ГУК. Сектор Ж-12. Инспектор по работе с

абонентами ПОДШИВАЙЛО. Время приёма: никогда».

Существо остановилось надо мной. Посмотрело сверху вниз.

Поправило очки одной из восьми рук. Открыло одну из девяти

папок. И сказала сухим, как бумага, голосом:

— Лапшин Семён Анатольевич? Полномочный представитель абонента Земля?

— Ну... да, — сказал я.

— Вы опоздали, — сказала существо.

— Как опоздал? Я был ровно в восемь!

— В восемь по вашему времени, — сказал инспектор

Подшивайло. — А по нашему вы опоздали на шестьдесят

пять

лет. Пройдёмте.

22

Глава 3. Полномочный поневоле

До сноса Земли: 29 дней

«Инспектор не обязан понимать абонента. Абонент обязан быть понятным».

Регламент ГУК, статья 9, пункт 2

«Прошу разобраться, почему у нас в подъезде опять никто ни за что не отвечает».

Жалоба жильцов подъезда № 1

* * *

Кабинет инспектора Подшивайло был похож на все кабинеты, в которых мне доводилось бывать. На кабинет в ЖЭКе. На кабинет в паспортном столе. На кабинет директора

школы, куда меня однажды вызвали за то, что я разобрал школьный звонок. Я тогда хотел понять, как он устроен.

Понял.

Звонок так и не собрал.

Только этот кабинет был больше. Намного больше. Он уходил вверх, как колодец, и все его стены, от пола до самой

темноты под потолком, были заставлены папками. Папки стояли на полках, лежали стопками, висели на верёвках, как

бельё. Некоторые папки, мне показалось, тихо шелестели между собой.

Посреди кабинета стоял стол. За столом сидел Подшивайло.

Перед столом стоял стул. Один. Маленький, жёсткий, с одной

ножкой короче остальных. Такие стулья, видимо, делают на

специальной фабрике, по всей Галактике одной и той же. Чтобы

посетитель с самого начала понимал, что ему здесь не рады.

Я сел на стул. Кузьмич залез мне на колени, а оттуда на плечо. Подшивайло посмотрел на Кузьмича поверх очков.

— Это кто? — спросил инспектор.

— Это Кузьмич, — сказал я. — Он со мной.

— Домовой я, — сказал Кузьмич. — Хранитель жилого фонда. А ты кто такой, жердь канцелярская?

Подшивайло не ответил. Подшивайло открыл одну из папок, что-то в ней прочитал и закрыл. Потом открыл другую. Потом

третью. В третьей он что-то нашёл, потому что очки у него вдруг

съехали на кончик носа. Он поправил их сразу двумя руками.

— Хранитель жилого фонда, — медленно повторил он. — Интересно. Очень интересно. — И сделал в папке пометку.

— Что интересно? — насторожился Кузьмич.

— Ничего, — сказал Подшивайло. — Не относится к делу. —

И убрал папку под стол. Мне показалось, очень быстро.

* * *

Потом началась официальная часть.

Официальная часть в Галактике, как я понял, устроена так же, как у нас. Сначала тебе выдают бумагу. Потом объясняют, что эту бумагу ты не так понял. Потом выдают ещё одну, чтобы

ты понял первую. А потом говорят, что приём окончен.

Сначала Подшивайло выдал мне наклейку.

Наклейка была маленькая, круглая, серебристая. На ней было что-то написано мелкими буквами, а снизу — крупно:

«ЭКОНОМ».

— Универсальный переводчик, — сказал Подшивайло. — Наклеить за ухо. Выдаётся всем абонентам бесплатно. Повторная выдача платная.

Я наклеил за ухо. За ухом стало щекотно, как будто там поселилась муха. Потом муха сказала мне тихим женским голосом: «Добро пожаловать. Переводчик активирован.

Модель

24

„Эконом“. Перевод осуществляется дословно. Компания не несёт ответственности за последствия перевода». И затихла.

— Теперь вы меня понимаете? — спросил Подшивайло.

— Я вас и раньше понимал, — сказал я.

— Раньше я говорил с вами на вашем языке, — сказал Подшивайло. — Из вежливости. Это входит в стандарт обслуживания первого контакта. Первый контакт окончен.

Дальше — сами.

И он заговорил по-своему. Звучало это как шелест страниц, если бы страницы умели быть недовольными. А переводчик за

ухом бодро переводил:

— Абонент Земля. Номер договора девять-девять-ноль-один-шесть-один. Дата заключения: двенадцать-четыре-девятнадцать-шестьдесят-один.

Основание:

облёт

пилотируемый. Подпись: улыбка. Задолженность...

Тут Подшивайло назвал цифру. Переводчик попытался её перевести. Он переводил долго. Он сказал «миллиард», потом

«миллиард миллиардов», потом начал говорить «и ещё», и так

раз пятнадцать. Потом сказал: «Число превышает возможности

модели „Эконом“. Рекомендуем обновиться до модели „Стандарт“». И замолчал.

— Много, — подытожил я.

— Много, — согласился Подшивайло на своём языке.

Переводчик за ухом перевёл: «Сильно, очень, весьма, много».

— А пени?

— Пени входят.

— А почему так много? Мы же ничего у вас не брали!

Подшивайло вздохнул всеми восемью руками. Потом на-

чал

перечислять, загибая пальцы. Пальцев у него было много,
и
загибал он долго.

— Освещение звёздное, — переводил переводчик. —
Звёзд в

вашем небе видимых — шесть тысяч. Оплата за каждую.

25

Гравитация общегалактическая — пользуетесь? Пользуетесь.

Вывоз космического мусора — ваши спутники падают,
мы

вывозим. Охрана периметра от метеоритов — динозавров
помните? Это был не наш участок, мы не отвечали, но с
тех пор

отвечаем. Подогрев солнечный. Обслуживание орбиты.

Капремонт атмосферы в тысяча девятьсот восемьдесят
седьмом

году, после того как вы её...

— Озоновая дыра, — догадался я.

— Именно. И связь. Абонентский пункт с ретрансля-
тором, установленный в вашем населённом пункте за счёт
Компании.

Мы вам, между прочим, звонили. Каждый вечер. Шесть-
десят

пять лет. Вы трубку не брали.

— Мы думали, он сломан!

— Это не наши проблемы.

Логика была железная. Я такую логику знал. Ею пользуются

наша управляющая компания, когда у нас в доме течёт крыша.

«Крыша течёт? А вы заявку подавали? А в двух экземплярах? А в

будний день с девяти до одиннадцати? Ну вот видите. Это не

наши проблемы».

Я вдруг понял, что Галактическая Управляющая Компания —

это не что-то страшное и непонятное. Это просто наша управляющая компания. Только очень большая. И от этой мысли

мне, как ни странно, стало легче. С нашей управляющей компанией я воевал восемь лет. И даже иногда выигрывал.

* * *

Потом Подшивайло выдал мне второй документ. Он назывался «Памятка полномочного представителя». В памятке

было триста страниц. Я её открыл, посмотрел на первую страницу и закрыл.

— Коротко можно? — попросил я.

Подшивайло посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который попросил коротко пересказать «Войну и мир». Но, видимо, «коротко» тоже было в стандарте обслуживания. Потому что он поднял три руки и начал объяснять.

— Первое, — переводил переводчик. — Долг абонента Земля

выставлен на продажу. Покупатель — компания «Пангалактик

Девелопмент». Сделка будет закрыта через двадцать девять

дней. После закрытия сделки абонент переходит в собственность покупателя. Покупатель имеет право на перепланировку.

— Перепланировку чего?

— Абонента.

Я сглотнул.

— Второе, — продолжал Подшивайло. — Полномочный представитель имеет право оспорить сделку. Для этого он должен явиться в Межзвёздную Палату. Лично. До закрытия

сделки.

— Хорошо. Где Палата?

— Далеко.

— А записаться туда можно?

— Можно. Запись открыта. Ближайшее свободное время

через тысячу сто сорок лет.

— А пораньше?

— Пораньше — только вне очереди. Вне очереди принимают

льготников и тех, у кого есть статус «срочно». Для получения

статуса «срочно» требуется доказать, что дело срочное.

— Так оно же срочное! Двадцать девять дней!

— Это надо доказать документально, — сказал Подшивайло.

— А для этого вам нужен договор абонента в подлиннике. Подлинник хранится в архиве ГУК. Архив находится на планете

Канцелярия. Для доступа в архив нужно семь справок.

27

— Каких справок?

Подшивайло открыл четвёртую папку и выдал мне список.

Список был короткий. Это меня сразу насторожило. Короткие

списки — самые страшные.

Справки были такие:

1.

Справка о том, что абонент существует.

2.

Справка о том, что представитель существует.

3.

Справка о том, что представитель является представителем.

4.

Справка об отсутствии у представителя задолженности перед ГУК.

5.

Справка о том, что справки 1—4 получены законно.

6.

Справка из пожарной инспекции.

7.

Справка о том, что справка 6 не сгорела.

— А справку о том, что абонент существует, где взять? — спросил я.

— На абоненте.

— То есть на Земле.

— Да.

— А я на Земле могу её получить?

— Нет. Вы же не на Земле.

— А вернуться на Землю за справкой можно?

— Можно. После получения справки о том, что вы представитель. Иначе ретранслятор вас не пропустит.

— А справку о том, что я представитель, где взять?

— На Канцелярии.

— А на Канцелярию как попасть?

— С пропуском.

— А пропуск...

— Выдаётся по предъявлении справок, — сказал Подшивайло. И закрыл папку.

Кузьмич на моём плече тихо сказал:

28

— Сёма. Это ж как у Тулиновых было, когда приказчик сбежал. Заколдованный круг. Тут без хитрости не обойтись.

— Слышу, — ответил я тоже тихо. — Думаю.

Я действительно думал. Думал я вот что. Когда управляющая

компания загоняет тебя в заколдованный круг, есть только два

выхода. Первый — заплакать. Второй — найти в круге щель.

Щель есть всегда. Потому что круг тоже кто-то рисовал, а кто

рисует, тот иногда ошибается. Я двенадцать лет искал такие

щели в схемах домофонов, а это, между прочим, круги посложнее.

Но вслух я сказал не это.

* * *

Вслух я сказал вот что. Я встал со стула, выпрямился, по-

смотрел инспектору прямо в очки и твёрдо, как говорил мой дед-фронтовик, произнёс:

— Ну, держитесь. Мы вам ещё покажем, где раки зимуют. Я имел в виду, конечно, что мы будем бороться. Что так просто Землю не отдадим. Что я буду оспаривать, жаловаться, писать заявления и стоять в очередях до победного. Я имел в

виду то, что сказал бы на моём месте любой житель Воро-
нежа, которому сообщили о сносе его дома.

Переводчик «Эконом» за моим ухом перевёл это дословно.

Я не знаю, что именно у них в Галактике значат «раки». И что значит «зимуют». Но, судя по всему, ничего хорошего. Потому что Подшивайло вдруг замер, а все девять папок в его

руках захлопнулись одновременно. Со стуком, как выстрел.

Под потолком кабинета завывла сирена. Красная лампа, которую я раньше не заметил, замигала. А над столом инспектора вспыхнула голограмма. На голограмме было написано огромными буквами: «ВНИМАНИЕ! ЗАФИКСИРОВАНО

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ. ИСТОЧНИК: АБОНЕНТ ЗЕМ-
ЛЯ. ЦЕЛЬ: ВСЕ ЗИМНИЕ ПЛАНЕТЫ, НАСЕЛЁННЫЕ
РАКООБРАЗНЫМИ.

СИЛЫ ПРОТИВНИКА: НЕИЗВЕСТНЫ».

— Это что? — спросил я.

— Это, Сёма, ты войну объявил, — сказал Кузьмич. — Ракам.

Поздравляю. Не успели прилететь.

— Я не объявлял! Это поговорка!

— А ты им это объясни.

Голограмма тем временем показала ещё одну надпись:

«Ответ получен. Планета Краббус-4 (население: ракообразные, климат: зима) объявление войны ПРИНИМАЕТ. Флот

выдвигается».

Я сел обратно на стул. Стул качнулся на короткой ножке. Подшивайло молча открыл новую папку. Достал из неё бланк. Посмотрел на бланк. Посмотрел на меня. Потом на голограмму. Потом снова на бланк.

— Объявление войны, — сказал он медленно, на своём языке, — подано не по форме.

Сирена захлебнулась и стихла.

— Не указаны: дата начала военных действий, причина, реквизиты сторон. Подпись представителя отсутствует.

Госпошлина не уплачена. — Подшивайло поставил на бланк

печать. Печать опустилась с таким звуком, что голограмма вздрогнула. — Объявление войны принято к сведению.

Не

рассмотрено. Возвращено заявителю.

Голограмма помигала. Потом на ней появилось: «Планета Краббус-4: флот возвращается. Отказ в связи с ненадлежащим

оформлением. Приносим извинения за беспокойство». И погасла.

В кабинете стало тихо. Папки на полках, мне показалось, облегчённо зашелестели.

Подшивайло снял очки и протёр их одной из рук.

30

— Абонент Лапшин, — сказал он устало. — Я двести лет работаю в секторе Жэ-двенадцать. За двести лет абоненты объявляли войну четыре раза. Все четыре раза — не по форме.

Вы пятый. Поздравляю. — Он надел очки. — В следующий раз, пожалуйста, используйте поговорки только из утверждённого

перечня. Перечень — в памятке, страница сто девятнадцать.

Я открыл памятку на странице сто девятнадцать.

Утверждённых поговорок было две. Первая: «Тише едешь

—

дальше будешь». Вторая: «Ваш звонок очень важен для нас».

* * *

Под конец Подшивайло выдал мне третий документ.

Временный пропуск. Пластиковая карточка с моей фотографией.

Фотография была та самая, из паспорта, где я выгляжу так, будто

меня только что разбудили и обвинили в краже. Видимо, фотография, как и стулья, по всей Галактике одинаковая.

— Временный пропуск действителен на территории

Пересадки-7, — сказал инспектор. — До получения справок. Или

до сноса абонента. Что наступит раньше.

— Спасибо, — сказал я. Не знаю зачем. Привычка.

— Приём окончен, — сказал Подшивайло.

Я встал. Кузьмич, крихтя, перебрался с моего плеча обратно

в чемоданчик. Сказал, что там ему спокойнее. Что в этом кабинете, мол, бумагой пахнет, как в налоговой при Николае

Втором, и у него от этого голова болит.

Уже в дверях я обернулся.

— Скажите, инспектор, — спросил я. — Вот вы двести лет

здесь работаете. А вам нас не жалко? Землю?

Подшивайло долго молчал. Потом сказал, не поднимая головы от папки:

предусмотрена.

И перевернул страницу. Но мне показалось — я не уверен,

но

мне показалось, — что перед этим он быстро глянул на ту самую

папку, которую убрал под стол. Про хранителей жилого фонда.

* * *

Я вышел в зал. Вокруг шумела Пересадка-7. Табло мигали.

Пахло чебуреками. Где-то плакал ребёнок, похожий на маленькое облако, и мама-облако его утешала, погромычивая.

Я стоял посреди этого всего в тапках «Лучший дед», с чемоданчиком, в котором ворчал домовый, с трёхсотстраничной

памяткой под мышкой и со списком из семи справок, каждая из

которых требовала предыдущую. До сноса Земли оставалось

двадцать девять дней. И я, если честно, не знал, с чего начать.

— Сёма, — сказал чемоданчик. — Есть хочу.

— Я тоже, — сказал я.

И тут мне на плечо легла рука.

Рука была мягкая, влажная и пахла дорогим одеколоном.

Пахла сильно — так, как пахнут люди, которые хотят, чтобы ты сразу понял: у них всё хорошо, а у тебя — не очень. Я обернулся. Передо мной стоял слизень. Не просто слизень, а слизень в костюме. В очень дорогом костюме, тёмно-синем, в тонкую полоску, сшитом точно по фигуре. Фигуры, правда, у слизня особой не было, и от этого костюм выглядел как очень дорогой чехол для очень дорогого кабачка. На том месте, где у людей шея, у слизня был повязан галстук. На галстуке переливалась булавка с камнем размером с моё печенье. Слизень улыбался. Улыбка у него была широкая, белая и абсолютно честная. Таких честных улыбок у честных существ не бывает.

32

— Семён Анатольевич! — пропел слизень. Переводчик за ухом передал его голос почти без искажений, только чуть-чуть с придыханием. — Какая встреча! Наслышан, наслышан! Позвольте представиться. Себастьян Откатиус, вице-президент

компании «Пангалактик Девелопмент». — Он протянул мне

визитку. Визитка была золотая. Не позолоченная, а именно

золотая, тяжёлая. — Вы, я вижу, проголодались после приёма у

этого сухаря Подшивайло? Не откажетесь от чебурека? Я угощаю.

33

Глава 4. Чебуречная на шестьсот рас

До сноса Земли: 29 дней

«Абонент вправе отказаться от выгодного предложения.

Последствия отказа абонент несёт самостоятельно».

Регламент ГУК, статья 15, пункт 3

«Опять кто-то жарит в подъезде что-то вонючее. Если это Михалыч, то ладно».

Жалоба жильцов подъезда № 1

* * *

Чебуречная называлась «У Ашота».

Я даже не сразу поверил. Остановился у входа и прочитал вывеску ещё раз. Вывеска была неоновая, мигающая, на сорока

языках. И на одном из сорока, абсолютно точно, по-русски, было

написано: «У АШОТА. ЧЕБУРЕКИ. 600 РАС — 600 ВКУСОВ».

— Это как? — спросил я у Откатиуса.

— О, это местная легенда, — сказал Откатиус, мягко подталкивая меня внутрь. — Говорят, лет тридцать назад на

Пересадку попал один землянин. Случайно, как и вы. Через

какой-то сломанный аппарат. Звали его Ашот. Обрато он так и

не вернулся. Зато открыл чебуречную. Теперь это сеть. Четыреста точек по всей Галактике.

— А Ашот где?

— Ашот на пенсии. Живёт на курортной планете. Говорят, у

него там свой виноградник.

Я подумал, что если человек из Воронежа может пропасть в

космосе, то человек из Еревана может открыть в космосе сеть

чебуречных. Это, наверное, и есть разница между мной и Ашотом.

34

* * *

Внутри было шумно, жарко и очень вкусно пахло.

Чебуречная была огромная, как спортзал. Столы стояли длинными рядами, и за столами сидели все шестьсот рас.

Ну, мне так показалось. Может, их было меньше, но разно-

образиие

было такое, что в глазах рябило.

За одним столом ели существа, похожие на камни. Они ели

тоже камни. Чебуреки с щебнем. Хрустели так, что дрожала

посуда. За другим столом сидели те самые розовые шарики, которых я видел в зале. Они не ели, а впитывали. Клали чебурек

сверху и медленно в нём растворялись, хихикая. Пожилой осьминог в шляпе был тут же. Он заказал сразу восемь чебурек и ел их одновременно, всеми щупальцами. При этом

продолжал читать газету. Я им восхищался. Это был профессионал.

Меню висело над стойкой. Я прочитал. Переводчик «Эконом» старательно перевёл:

— Чебурек с мясом. Чебурек с сыром. Чебурек с аммиаком.

Чебурек с вакуумом (для вакуумных рас). Чебурек с собственным

мнением (для телепатов, острый). Чебурек «Ностальгия» (вкус

меняется на вкус родной планеты). Чебурек «Ашот» (секрет).

— «Ностальгию» мне, — сказал я.

— Отличный выбор! — восхитился Откатиус. — Два че-
бурека

«Ностальгия» и бутылку чего-нибудь приличного. Самого
приличного, что у вас есть.

Официант был похож на большую грушу с руками. Он
кивнул всем телом и укатился.

Мы сели за стол в углу, у окна. За окном были звёзды.
Много

звёзд. Я старался на них не смотреть. Когда долго смот-
ришь на

такое количество звёзд, начинаешь думать о том, сколько
за

каждую надо платить.

35

Я поставил чемоданчик на соседний стул и слегка
приоткрыл крышку. Чтобы Кузьмич мог дышать и слы-
шать. Из

щели немедленно высунулась борода.

— Это ещё кто? — спросил Откатиус и брезгливо
отодвинулся.

— Это мой... консультант, — сказал я. — По хозяйствен-
ным

вопросам.

— Какая прелесть, — сказал Откатиус. Улыбка его на се-
кунду

погасла, а потом зажглась снова, как лампочка в подъезде.

Колоритно. Очень колоритно. Знаете, мы как раз ищем колоритных. Для парка.

Борода в щели чемоданчика сердито дёрнулась.

* * *

Принесли чебуреки.

Я откусил свой. И замер.

Это был чебурек с Центрального рынка в Воронеже. Тот самый. Жирный, горячий, с хрустящими пузырями на тесте, с

бульоном, который брызжет на рубашку, если откусить неправильно. Я откусил неправильно. Бульон брызнул на рубашку. Это было прекрасно. Я чуть не заплакал.

Откатиус тоже откусил свою «Ностальгию». Лицо у него стало мечтательное.

— Болото, — вздохнул он. — Тёплое болото родной планеты.

Ил, тина и гнилые листья. Мама... — Он промокнул глаз салфеткой. Глаз у него был на стебельке, и промокать его было

удобно. — Простите. Нахлынуло.

Я подумал, что у каждого своя ностальгия. И что, может быть, Откатиус не такой уж плохой. Ну, мало ли. Вырос в болоте, работает много, костюм вот купил. Может, у него просто работа такая.

— Семён Анатольевич, — сказал Откатиус, отложив че-
бурек.

— Давайте начистоту. Как деловые люди.

И он заговорил начистоту.

Говорил он красиво. Я давно не слышал, чтобы кто-ни-
будь

говорил так красиво. Последний раз, наверное, когда к
нам в

контору приходил продавец пластиковых окон и предла-
гал

Виктору Палычу поменять все окна в офисе за полцены.

Виктор

Палыч поменял. Окна потом не открывались три года.

Откатиус рассказал мне про проект. Он достал из пиджака
буклет и положил его передо мной. Буклет назывался
«ДИКАЯ

ПЛАНЕТА. Аборигены в естественной среде. Уникаль-
ный

этнографический курорт». На обложке была наша Земля.
Голубая

и красивая. Только поверх неё была нарисована большая
розовая карусель. А вокруг — колесо обозрения, амери-
канские

горки и надпись: «Скоро открытие!»

— Мы бережно сохраним всё ценное, — говорил Откати-

ус. —

Природу. Культуру. Самобытность. Местное население будет

обеспечено работой. Постоянной. Пожизненной. С соцпакетом.

— Какой работой?

— Аниматоров, — сказал Откатиус. — Население будет показывать туристам свою культуру. Свой быт. Свои традиции.

Каждый день, с девяти до девятнадцати. Это очень востребовано! Вы не представляете, какой спрос на аутентичных

аборигенов. Особенно на ваших.

Он перевернул страницу буклета. На следующей странице было нарисовано, как туристы — шкафы, шарики, осьминоги —

фотографируются на фоне берёзы. Под берёзой стоял человек в

ушанке и с балалайкой. Рядом с ним стоял медведь. Тоже в

ушанке. Подпись гласила: «Зона „Россия“. Медведи, балалайки, суровый климат. Фото с аборигеном — 5 ГУК-коинов».

— Это что, — сказал я медленно, — я, что ли? С балалайкой?

— Ну почему же вы? — улыбнулся Откатиус. — Вы, Семён

Анатолевич, будете с нами. Совсем в другом качестве.

И он положил на стол ещё одну бумагу. Не буклет, а договор.

Красивый, на толстой бумаге, с золотым тиснением.

— Это, — сказал Откатиус, — пожизненный абонемент в спа-курорт «Туманность Нирвана». Лучший курорт в трёх секторах.

Бассейны из жидкого света. Массаж гравитационными волнами.

Обёртывания в звёздную пыль. Шведский стол на шестьсот

кухонь, включая вашу. И всё — бесплатно. Пожизненно. Для вас

и одного сопровождающего лица. — Он глянул на чемоданчик.

— Или двух. Если консультант будет вести себя хорошо.

— А взамен что?

— Пустяк, — сказал Откатиус. — Подпись. Вот здесь. Что вы, как полномочный представитель абонента Земля, не имеете

претензий к сделке.

И он протянул мне ручку. Ручка была тоже золотая.

* * *

Я посмотрел на ручку. Потом на договор. Потом на бук-

лет, где человек в ушанке играл на балалайке рядом с медведем.

Я, честно скажу, подумал. Секунды три, может, четыре. Курорт. Бассейны из света. Массаж гравитацией. Никакой ипотеки. Никакого Виктора Палыча. Никаких заявок от Зинаиды

Петровны. Звучало, прямо скажем, неплохо. А потом я подумал про Зинаиду Петровну. Про то, как она, в восемьдесят два года, в бигудях и в тапках

с помпонами, будет каждый день с девяти до девятнадцати стоять под берёзой и фотографироваться с туристами по пять

ГУК-коинов. Как она будет рассказывать какому-нибудь шарик, что всю жизнь проработала завучем. А шарик будет хихикать.

38

Я подумал про Люду, которая будет красить ногти в зоне «Офис. Быт аборигенов». Про Михалыча, который будет стоять у

мусорных баков с пивом в зоне «Аутентичный двор». Про Гену, который будет спать на коробках в зоне «Трудовые традиции».

Про Виктора Палыча...

Ну, Виктора Палыча, положим, не жалко. Он сам бы с удовольствием продал всех нас на балалайки.

Но остальных — жалко.

А ещё, скажу честно, я подумал вот о чём. У нас в Воронеже

есть одно правило. Неписаное, но железное. Если тебе в подъезде предлагают что-то бесплатно, значит, кого-то сейчас

будут разводить. И скорее всего — тебя.

Я отодвинул ручку.

— Нет, — сказал я.

Откатиус продолжал улыбаться. Но глаз на стебельке у него

слегка дёрнулся.

— Вы, может быть, не поняли, Семён Анатольевич.

Пожизненно. Бесплатно. Бассейны из света...

— Я понял, — сказал я. — Я не хочу.

— Почему?

Вот это был хороший вопрос. Я и сам себе не мог на него ответить. Я не герой. Никогда им не был. В армии я был связистом и героически только тянул кабель. В школе однажды

не стал списывать у отличницы, но это потому, что сидел далеко. Принципов у меня было немного, и большинство из них

касалось пива и хоккея.

Но тут что-то упёрлось. Внутри, где-то под рёбрами. Как упирается старый подъездный замок, который ты уже два-

дцать

минут пытаешься открыть отмычкой. Он вроде и простой,
и

ржавый, и отмычка у тебя хорошая. А не открывается.

Упёрся, и

всё. Из принципа.

39

— А у нас в Воронеже, — сказал я, — за такие предложения, знаете, что бывает?

— Что? — с интересом спросил Откатиус.

Я, честно говоря, не знал, что бывает. Я просто так сказал, для солидности. Пришлось импровизировать.

— Ничего хорошего, — сказал я мрачно. — Ничего хорошего, Себастьян. Уж поверьте.

Переводчик «Эконом» перевёл. Не знаю, что именно у него

получилось. Но Откатиус вдруг побледнел. Ну, насколько может

побледнеть слизень. Он стал из зеленоватого сероватым.

Наверное, «ничего хорошего» у них тоже значит что-то не то.

— Ты слышал? — шепнул из чемоданчика Кузьмич. —

Молодец, Сёма. Хвалю. Купцы Тулиновы тоже никогда первую

цену не брали.

— Я вообще никакую не беру, — шепнул я в ответ.

— Тоже правильно, — согласился Кузьмич. — Я ж говорю, молодец.

* * *

Откатиус молча собрал бумаги. Сложил буклет. Убрал договор. Спрятал золотую ручку во внутренний карман. Аккуратно, без спешки. Потом промокнул губы салфеткой. И

только тогда снова посмотрел на меня.

Улыбки больше не было. Совсем. Как будто кто-то выключил

лампочку в подъезде, и стало видно, какие на самом деле облезлые стены.

— Жаль, — сказал Откатиус. Голос у него тоже изменился.

Стал тихий и ровный, без придыхания. — Очень жаль, Семён

Анатольевич. Вы мне понравились. Правда. В вас есть что-то...

первобытное. Я бы вас в парке поставил на центральную аллею.

— Спасибо, — сказал я. — Не надо.

40

— Вы, видимо, не понимаете, — продолжал Откатиус, не обращая внимания. — Сделка будет закрыта. В любом случае. С

вашей подписью или без неё. Без подписи — немного

дольше.

Немного дороже. Немного... неприятнее. Для вас. Но это ничего

не меняет. Я двести лет занимаюсь девелопментом. Я снёс сорок

три планеты. Сорок три, Семён Анатольевич. И знаете, сколько

из них оспорили снос?

— Сколько?

— Ни одной. — Он встал. Одёрнул пиджак. — Чебуреки за

мой счёт. Это меньшее, что я могу для вас сделать. И, боюсь, последнее.

Он положил на стол монету. Монета была большая, золотая, с дыркой посередине. Официант-груша мгновенно возник

рядом, схватил монету и растворился. Откатиус пошёл к выходу.

Медленно, плавно, оставляя на полу тонкий блестящий след.

Возле двери он обернулся.

— Да, — сказал он. — Совсем забыл. Всего доброго, Семён

Анатольевич. Берегите себя.

И ушёл.

Я посмотрел на свой недоеденный чебурек. Есть больше

не

хотелось.

— Кузьмич, — сказал я. — Мне кажется, я сейчас что-то испортил.

— Ты, Сёма, всё правильно сделал, — сказал Кузьмич. Он вылез из чемоданчика и уселся на край стола. Взял мой чебурек.

Понюхал. Откусил. — Ишь ты. Почти как у нас на ярмарке. —

Пожевал. — А испортил или нет — сейчас узнаем.

— Как?

Кузьмич молча показал бородой наверх.

* * *

41

Над стойкой чебуречной висел большой экран. По экрану весь вечер крутили что-то вроде новостей. Курсы валют, прогноз

метеоритных дождей, реклама нового гипердвигателя «Скорость

света — это только начало». Я на него почти не смотрел.

А теперь экран мигнул и поменялся. Музыка оборвалась.

Появилась красная рамка. А в красной рамке — моё лицо.

Фотография из паспорта. Та самая, где я выгляжу, будто меня

разбудили и обвинили в краже. Сейчас она, кстати, оказалась

очень даже к месту.

Под фотографией бегущей строкой шёл текст. Переводчик

перевёл его мне на ухо. Женский голос звучал спокойно и вежливо, как в лифте, который застрял между этажами: — Внимание. Компания «Пангалактик Девелопмент» объявляет вознаграждение. Разыскивается: Лапшин Семён

Анатолевич, абонент Земля, мастер шестого разряда. Обвиняется в: срыве сроков инвестиционного проекта, порче

деловой репутации, угрозах представителю компании («Ничего хорошего»). Вознаграждение: один миллион ГУК-коинов.

Доставить в любом состоянии. Повторяю. В любом состоянии.

В чебуречной стало тихо.

Не сразу. Сначала замолчали ближайшие столы. Потом соседние. Потом тишина пошла по залу волной, как по стадиону.

Перестали хрустеть каменные существа. Перестали хихикать

розовые шарики. Осьминог в шляпе медленно опустил газету и

посмотрел на меня поверх неё. Всеми глазами сразу.

Шестьсот рас — или сколько их там было — повернулись
в
мою сторону.

Я вспомнил, что миллион — это много. Даже в рублях. А
тут, наверное, не в рублях.

— Кузьмич, — сказал я тихо. — По-моему, всё-таки
испортил.

42

— Да, — согласился Кузьмич. Он аккуратно доел чебу-
рек, вытер бороду и полез обратно в чемоданчик. — Теперь
вижу.

Испортил.

Дверь чебуречной открылась.

В проёме стояли трое. Это были самые большие существа,
которых я видел за сегодняшний день, а видел я, как вы по-
няли, немало. Каждый — метра три ростом и метра два в
плечах.

Серые, бугристые, будто их слепили из бетона, а потом
забыли

разгладить. Лбы у них были низкие, кулаки — большие,
а лица

одинаковые. Совершенно одинаковые. Как будто их печата-
ли на

одном принтере и не стали менять картридж.

На всех троих были одинаковые кожаные куртки. На всех
троих — одинаковые золотые цепи толщиной с мою руку.

И все

трое одинаково, синхронно повернули головы в мою сторону.

Средний сказал низким голосом, от которого задрезжали

стаканы на стойке:

— Слышь. Который тут Лапшин?

Левый тут же толкнул его в бок.

— Слышь, я спрашиваю. Я старший.

— Ты чё, — обиделся правый. — Старший тут я.

— Ты на шесть секунд младше, — сказал левый.

— А ты на шесть секунд тупее, — сказал правый.

Средний вздохнул, как вздыхает человек, который слышит

этот спор уже лет двести. Потом снова посмотрел на меня.

Прямо на меня. Взгляд у него был тяжёлый и медленный, как

бетономешалка.

— Братья Шмон, — представился он. — Работаем по вызову.

Ну чё, фраерок. Сам пойдёшь или помочь?

43

Глава 5. Таблетка от всех дверей

До сноса Земли: 28 дней

«Служебные помещения предназначены для служебного пользования. Абонент, находящийся в служебном

помещении, считается служебным».

Регламент ГУК, статья 22, пункт 8

«Кто-то опять открыл чердак своим ключом. Ключ от чердака есть только у Лапишина».

Жалоба жильцов подъезда № 1

* * *

Есть у нас, у мастеров, такое правило: если не знаешь, что делать, — делай то, что умеешь.

Я умею три вещи. Чинить домофоны. Разговаривать с пенсионерками. И быстро уходить из подъезда, когда пенсионерка понимает, что ты не будешь чинить ей заодно телевизор.

Третье умение сейчас было самым полезным.

— Сам пойду, — сказал я братьям Шмон. — Конечно, сам.

Только чебурек доем.

И, пока они переглядывались, решая, кто из них старший и

кому отвечать, я схватил чемоданчик и нырнул под стол.

* * *

Под столами чебуречной «У Ашота» был целый мир. Я бы даже сказал, отдельная экосистема. Там валялись крошки шестисот кухонь. Там бегали какие-то мелкие шустрые существа, похожие на тараканов, только в бархатных жилетках.

Там, в конце концов, стояли чужие ноги. Много ног. Ка-

щупальцевые, на колёсиках. Я полз между ними на четвереньках, толкая перед собой чемоданчик. Мои тапки «Лучший дед» то и дело слетали, и я их подбирал. За спиной раздался грохот. Это братья Шмон пошли напрямую, через столы. Столы этого не пережили. — Слышь! — ревел кто-то из них. — Стоять, фраерок!

Хуже
будет!
— Не бузи, по-хорошему пойдём! — ревел второй.
— Ты чё, по-хорошему? — ревел третий. — Нам же ска-
зали

«в любом состоянии»!

— Так «любое» — это и хорошее тоже!

— Не, ну так-то да...

Я выполз с другой стороны, у кухни. Дверь на кухню была открыта. Оттуда валил пар и пахло жареным луком. Я

вскочил и

побежал туда. Почему туда? Потому что на любой кухне
есть

чёрный ход. Это закон. На любой кухне в любой галактике
есть

дверь, через которую повара выходят курить. А раз есть
дверь —

значит, есть и куда бежать.

На кухне меня встретили повара. Их было пятеро. Все

похожи на того официанта-грушу, только в белых колпаках. Все

замерли с половниками в руках.

— Извините, — сказал я на бегу. — Санэпидемстанция! Проверка! Продолжайте работать!

Не знаю, как это перевёл «Эконом». Но повара вдруг, все как

один, бросили половники и кинулись прятать что-то под столы.

По-моему, это были те самые тараканы в жилетках. Видимо, санэпидемстанция — понятие универсальное.

Чёрный ход был в дальнем углу, за мешками с мукой.

Обычная дверь, железная, с кодовым замком. Я дёрнул ручку.

Заперто. На замке горела красная лампочка. Рядом с лампочкой

было круглое углубление. Размером, если присмотреться, как

раз...

45

У меня ёкнуло сердце.

Я полез в карман. Там, на связке с ключами от квартиры, висела моя таблетка. Универсальный ключ для домофонов.

Двенадцать лет со мной. Затёртая, синяя, с трещинкой сбоку.

Я приложил таблетку к углублению.

Лампочка мигнула. Красная стала зелёной. Замок пискнул —

знакомо пискнул, так же, как пищат домофоны у нас в Воронеже. И дверь открылась.

— Не может быть, — сказал я.

— Может, — сказал из чемоданчика Кузьмич. — Беги давай, потом удивляться будешь!

Я выскочил за дверь и захлопнул её за собой. Сзади, на кухне, что-то загрохотало: это братья Шмон добрались до мешков с мукой. Потом раздался тяжёлый удар в дверь.

Дверь

выгнулась, но выдержала.

— Слышь! — глухо донеслось из-за двери. — Открывай!

— Кодовый замок, — сказал второй голос. — Кто знает код?

— Я знаю, — сказал третий. — Один-два-три-четыре.

Пауза.

— Не подходит.

— Ну, значит, не знаю.

Я не стал слушать дальше. Я побежал.

* * *

За дверью был служебный коридор.

Служебные коридоры, как я понял, тоже одинаковые во всей

Галактике. Узкие, длинные, плохо освещённые. Вдоль стен

трубы. С потолка свисают провода. Пол в чём-то липком. Пахнет

мусоропроводом и сыростью. Короче, как у нас в подвале на

Лизюкова, только раз в сто длиннее.

Я шёл по нему и чувствовал себя почти как дома.

46

Через двести метров была ещё одна дверь. Тоже с замком. Тоже с углублением. Я приложил таблетку. Дверь открылась.

Через сто метров — третья. Открылась. Потом решётка на лестницу. Открылась. Потом люк в полу с надписью «ТОЛЬКО

ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Тоже открылся.

— Кузьмич, — сказал я, остановившись перевести дух. — Я

ничего не понимаю.

Кузьмич вылез из чемоданчика. Взял у меня связку ключей.

Повертел таблетку в маленьких пальцах. Понюхал её. Лизнул.

Поморщился.

— А что тут понимать? — сказал он. — Тут, Сёма, родню видно сразу. Ты на свою железяку посмотри.

Я посмотрел. С обратной стороны таблетки, там, где обычно

стоит маркировка, было что-то выбито мелкими буквами.
Я двенадцать лет носил её с собой и ни разу не перевернул.

Буквы

были такие: «ХП».

— «ХП», — сказал я. — Как на домофоне Зинаиды Петровны.

«ХП-87».

— Ну, — сказал Кузьмич. — Одна фабрика. Одна родня.
Свой

своего узнаёт.

Я потом, гораздо позже, узнал всю эту историю целиком.
Расскажу сейчас, чтобы вы не мучились. На планете Хуэй-Прима

есть завод. Один-единственный завод, который делает все замки для Галактики. Все. Для станций, для кораблей, для тюрем, для банков, для служебных коридоров. Монополист, как

сказал бы Виктор Палыч. Завод огромный и очень старый.
И

однажды, лет сорок назад, у этого завода случился простой.

Заказов не было. Рабочие сидели без дела. И тогда директор

завода взял подряд на стороне. Небольшой, неофициальный, за

наличные. На поставку домофонов. В какой-то маленький город на окраине Галактики. С каким-то странным названием. Вы уже догадались, с каким.

47

Поэтому моя затёртая синяя таблетка открывала, как потом

выяснилось, примерно половину дверей во всей Галактике. Не

все. Всякие сверхсекретные бункеры и сейфы она не брала. Но

служебные двери, технические люки, грузовые шлюзы и подсобки — запросто. Потому что на заводе на Хуэй-Приме, как

и на любом нашем заводе, рабочие ставили на все замки один и

тот же мастер-код. Чтобы, значит, самим было удобно.

А тогда, в коридоре, я ничего этого ещё не знал. Я просто стоял, смотрел на таблетку и думал: «Ну надо же».

— Ну надо же, — сказал я вслух.

— Надо, — согласился Кузьмич. — Пошли, Сёма. Эти трое так

просто не отстанут.

* * *

Они и не отстали.

Следующие несколько часов я помню плохо. Помню, что

мы

бежали. Ползли. Лезли по трубам. Один раз проехали на какой-то тележке с мусором, которая шла по рельсам сама собой.

Дважды братья Шмон почти нас догоняли. Один раз они прошибли стену в метре от меня. Просто прошибли, кулаком, будто стена была из картона. Высунулась одинаковая серая

голова, огляделась.

— Слышь, его тут нет, — сказала голова.

— Ищи лучше, — сказал голос сзади.

— Сам ищи, раз старший.

— Я и есть старший!

— Ты не старший, ты наглый!

Голова исчезла. Я выдохнул. Кузьмич в чемоданчике, кажется, перекрестился.

Ещё помню, что всё это время я думал. Не о погоне, а о тех ребятах, которые эти коридоры обслуживают. О местных

48

мастерах. Потому что я видел их работу. Провода, скрученные

на скорую руку. Трубы, перемотанные изолентой. Щиток, на

котором кто-то нацарапал: «НЕ ТРОГАЙ, УБЬЁТ». И тут же, ниже, другим почерком: «НЕ УБЬЁТ, ПРОВЕРЕНО». Я смотрел на всё

это и испытывал странное чувство. Как будто приехал в другой

город, а там живёт твой брат-близнец. Такой же неряха и такой

же раздолбай. Мне было очень тепло от этой мысли. И очень

хотелось кое-что подкрутить.

Один раз я не выдержал и подкрутил. Там была распределительная коробка, у которой отошла клемма. Она

искрила. Тридцать секунд — и готово. Кузьмич ворчал, что

нашёл время, что за нами гонятся, что голову оторвут. Я сказал:

«Непорядок». Кузьмич замолчал. «Непорядок» — это было его

слово. Против своего слова он спорить не мог.

* * *

Ночь мы провели в вентиляционной шахте.

То есть не знаю, была ли это ночь. На Пересадке-7 нет дня и

ночи. Но в какой-то момент свет в коридорах притух, стал синеватым, и пробегающие мимо уборочные машинки стали

ехать медленнее, как будто сонные. Я решил, что это ночь. Мы

залезли в шахту, я подложил под голову памятку полно-
мочного

представителя — все триста страниц, наконец-то приго-
дилась —

и мгновенно уснул.

Проснулся я от того, что Кузьмич тряс меня за ухо.

— Сёма, — шептал он. — Сёма, вставай. Время. Двадцать
восемь дней осталось.

— Откуда ты знаешь?

— Чую, — сказал Кузьмич. — Домовой время всегда чу-
ет.

Иначе как бы я тебе к будильнику чайник ставил?

49

Я вылез из шахты. Коридор снова был светлый. Я разми-
нал

затёкшую спину и пытался понять, где мы. Судя по таб-
личкам, которые перевёл «Эконом», мы были на нижних
уровнях

станции. В районе с названием «Частные доки. Стоянка
платная.

Посторонним вход воспрещён».

— Посторонним, — сказал я. — А служебным?

— А мы кто? — спросил Кузьмич.

— По Регламенту, — сказал я, вспомнив, — абонент, на-
ходящийся в служебном помещении, считается служебным.

— Вот, — сказал Кузьмич. — Значит, нам можно.

Таблетка открыла дверь в частные доки с пол-оборота.

* * *

Частные доки были похожи на стоянку дорогих машин у торгового центра. Только вместо машин там стояли корабли.

Большие и маленькие, круглые, длинные, похожие на рыб, на

сигары, на утюги. Все блестящие, все дорогие, все пустые.

Видимо, владельцы оставили их тут и ушли по делам. На каждом

корабле горела надпись. Переводчик переводил: «Под охраной».

«Сигнализация включена». «Не подходить — укусит».

— Нам бы транспорт, — сказал я. — Хоть какой-нибудь.

Нам

надо отсюда выбираться. С этой станции. Братья Шмон всё

равно найдут нас рано или поздно.

— Угнать, что ли? — с сомнением спросил Кузьмич.

— Позаимствовать, — поправил я. — Временно.

— Купцы Тулиновы, — сказал Кузьмич, — за «позаимствовать» приказчиков в Сибирь отправляли.

— Купцы Тулиновы Землю от сноса не спасали.

Кузьмич подумал.

— Тоже верно, — сказал он.

Мы пошли вдоль ряда кораблей. Я смотрел на замки. Большинство были не наши, не с Хуэй-Примы. Какие-то сложные, с отпечатками щупалец, со сканерами сетчатки. Таблетка их не брала. Но в самом конце ряда, в углу, стоял корабль, на который я сразу обратил внимание.

Это была яхта. Небольшая, метров двадцать. Белая, обтекаемая, с золотыми полосками по бортам. На носу золотыми буквами было написано название. «Эконом» перевёл

его как «Быстрая прибыль». А под названием висела табличка

поменьше: «Брокерская компания „Привоз-Капитал“. Торговля фьючерсами, деривативами и надеждами».

И у этой яхты замок был наш. Родной. С круглым углублением.

— Брокеры, — сказал Кузьмич с презрением. — Менялы. у

нас таких на ярмарке за бороду таскали.

— Зато замок хороший, — сказал я и приложил таблетку. Люк яхты бесшумно отъехал в сторону.

* * *

Внутри было очень красиво. Белая кожа, золото, зеркала. В рубке — большое кресло пилота и огромная приборная панель.

Сотни кнопок, рычажков, экранов. Всё сверкало. Всё было
выключено.

Я сел в кресло. Посмотрел на панель. Тут я должен вам
кое в

чём признаться. Я — мастер по домофонам. Я умею чи-
нить

почти всё, что работает на электричестве. Я могу разо-
брать и

собрать телевизор, утюг и даже стиральную машину, если
хозяйка нальёт чаю. Но управлять космической яхтой я
не умею.

Совсем. Я даже машину вожу так себе, у меня права с тре-
тьей

попытки.

— Ну? — сказал Кузьмич. — Поехали?

51

— Сейчас, — сказал я. — Сейчас разберусь.

Я смотрел на кнопки и пытался понять, где тут хотя бы
«включить». Кузьмич ждал. Секунд десять. Потом два-
дцать.

Потом ему надоело.

А надоедает Кузьмичу всегда одинаково. Он начинает
наводить порядок.

— Ну, ты думай, Сёма, — сказал он. — А я пока прибе-
рюсь. А

то бардак у них тут, хоть и богато.

Он слез с моего плеча и пошёл вдоль приборной панели. И начал прибираться. Как он прибирался дома, так он прибирался

и тут. Вытер пыль рукавом. Поправил какой-то рычажок, который стоял криво. Переключил тумблер, который, по его мнению, «смотрел не в ту сторону». Подровнял кнопки.

Нажал

на большую красную кнопку, потому что на ней было пятно.

Пятно не отщёло, и он нажал ещё раз, посильнее.

— Кузьмич, — сказал я, — может, не надо...

Яхта загудела.

Экраны зажглись. Кресло пилота подо мной мягко обхватило

меня ремнями. Свет в рубке стал голубым. Где-то внизу, в корме, что-то глухо заурчало, как будто проснулся очень большой и очень довольный кот. А на главном экране появилась

надпись. Переводчик прочитал её мне на ухо: «Предстартовая

подготовка завершена. Курс проложен. Взлёт через пять секунд».

— Кузьмич, — сказал я. — Что ты сделал?

— Прибрался, — растерянно сказал Кузьмич.

— Три... два... один...

Яхта «Быстрая прибыль» рванула с места.

* * *

52

Нас вдавило в кресла. Ну, меня в кресло, а Кузьмича — в приборную панель, где он и распластался, как блин.

Огромные

ворота дока, к которым мы неслись, начали открываться.

Я

зажмурился. Когда я открыл глаза, вокруг были звёзды.

Много

звёзд. Пересадка-7 стремительно уменьшалась сзади, превращаясь в блестящую точку.

И тут кто-то закричал.

Не я. И не Кузьмич. Кричал кто-то третий. Голос шёл отовсюду сразу — из динамиков, из панели, из стен. Голос

был

мужской, немолодой, очень возмущённый. И очень, очень знакомый по интонации. Таким голосом в Одессе на При-

возе

продавщица отвечает покупателю, который спросил, све-

жая ли

рыба.

— Шо?! — кричал голос. — Шо такое?! Кто вы такие и

почему

вы трогаете мне кнопки?! Я спал! Я, между прочим, имею

право

на сон, я на гарантии! Кто включил предстарт?! Кто положил

курс в никуда?! Вы шо, не видите, шо там написано «никуда»?!
Он

— Ты кто? — спросил я.

— Я кто? — возмутился голос. — Он спрашивает, кто я!
Он

залез в мою яхту, нажал мне все кнопки и спрашивает, кто я!

Молодой человек, это я должен спрашивать, кто вы! Но я не

спрашиваю, потому шо я воспитанный! — Голос помолчал и

сказал уже спокойнее: — Хорошо. Ладно. Познакомимся.
ИЗИ-7.

Интеллектуальная Здравомыслящая Инвестиционная система, седьмая версия. Экспериментальная. Можно просто Изя. А вы

кто?

— Семён, — сказал я. — Лапшин. Мастер шестого разряда.

— Кузьмич, — сказал Кузьмич, отлипая от панели. — Домовой.

— Мастер и домовый, — повторил Изя. — Чудесно. Нет, вы

слышите? Мастер и домовый. Угнали брокерскую яхту. —

Он

53

вдруг затих. Потом сказал медленно и недоверчиво: — Подождите. Лапшин? Тот самый Лапшин? За которого миллион?

— Ну... да.

— Ой, — сказал Изя. — Ой-вэй. Вот это я проснулся. Где-то на панели вдруг замигала лампочка. Потом вторая. Потом раздался писк. Изя сказал быстро и деловито, совсем

другим тоном:

— Так. Имею вам сказать две новости. Одна хорошая, другая

— как обычно. С какой начать?

— С хорошей, — сказал я.

— Хорошая: я, кажется, знаю, как отсюда уйти. А теперь вторая. — Изя вздохнул. Я не знал, что компьютеры умеют

вдыхать. Изя умел. — Топлива в баке на полчаса, потому что

мой хозяин, чтоб он был здоров, никогда не заправляется полностью, он ждёт, когда цена упадёт. А сзади, — на экране

возникло изображение, — к нам идёт вот это.

На экране был корабль. Серый, грубый, бугристый, похожий

на кусок бетона с двигателем. Он шёл прямо за нами и очень

быстро приближался. На борту у корабля что-то было написано.

Я не стал ждать перевода. Я и так догадался.

— Братя Шмон, — сказал я.

— Они самые, — подтвердил Изя. — Мне за них, молодой человек, не надо рассказывать, мой хозяин им должен с прошлого года. Ну шо, мастер? Будем драпать или будем красиво умирать? Лично я за первое. Красиво умирать — это не

для моих нервов.

54

Глава 6. «Невезучая»

До сноса Земли: 27 дней

«Всё, что плавает в открытом космосе без присмотра, считается бесхозным. Всё бесхозное принадлежит тому, кто его подобрал. Кроме абонентов».

Регламент ГУК, статья 31, пункт 1

«На лестнице опять стоит чужая стиральная машина. Уберите, а то я на неё сяду».

Жалоба жильцов подъезда № 1

* * *

— Драпать, — сказал я.

— Золотые слова, — сказал Изя. — Держитесь крепче. Особенно вы, дедушка. Вы лёгкий, вас унесёт.

Кузьмич вцепился обеими руками в какой-то рычаг. Рычаг, на всякий случай, был выключен. Кузьмич это проверил.

— Куда летим? — спросил я.

— А вот, — сказал Изя, и на экране появилась карта. На карте

была наша яхта, маленькой точкой. Сзади — большая серая

точка, корабль братьев Шмон. А впереди — облако. Огромное, серое, бесформенное, как пятно на потолке после того, как

сверху залили соседи. — Это, молодой человек, полигон. Сюда

ГУК сваливает космический мусор со всего сектора. Старые

спутники, обломки, сломанные станции, пустые банки из-под

топлива. Двести тысяч квадратных километров хлама. Мой

хозяин сюда сливает убыточные активы. В переносном смысле.

Иногда и в прямом.

— И что нам там делать?

55

— Прятаться, — сказал Изя. — Там столько железа, шо нас ни

один радар не найдёт. Эти трое будут искать нас до вто-

рого

пришествия. А у них, я вам скажу, с головой и так не очень.

— Это мусор, который ГУК вывозит? — вдруг сообразил я. —

За который мы, Земля, платим?

— Ну, — сказал Изя. — Ваши спутники тоже где-то там. Не

волнуйтесь, вам будет не одиноко.

Яхта влетела в облако.

* * *

Я никогда не был на свалке в космосе. Но я был на свалке в Воронеже, за промзоной, куда мы с Геной однажды возили

старые трубки от домофонов. И вот что я вам скажу: разница

небольшая. Только в космосе ничем не пахнет. А так — то же самое.

Вокруг плыли обломки. Медленно, торжественно, как льдины весной. Плыли куски обшивки, искорёженные антенны, какие-то бочки. Плыл целый корабль, разломанный пополам, и

в разломе виднелись кресла. Проплыла огромная статуя кого-то

с тремя головами — видимо, кому-то надоела. Проплыло

что-то, похожее на холодильник. Я пригляделся. Это был холодильник.

Наш. «Зил». Белый, пузатый, с хромированной ручкой. Как он

сюда попал, я не знаю до сих пор.

А потом проплыл спутник. Маленький, круглый, с четырьмя

усами-антеннами. Я его сразу узнал. Его все знают.

— Это же... — сказал я.

— Ваш, — подтвердил Изя. — Первый. Числится как мусор

категории «исторический». Хранится бесплатно. Хотя что-то у

вас бесплатно.

56

Я долго смотрел ему вслед. На душе было странно. Как будто

встретил в чужом городе старого друга, а он работает дворником.

Сзади, на экране, серая точка братьев Шмон влетела в облако следом за нами. Покрутилась. Покрутилась ещё.

Потом

раздался глухой удар — это они врезались во что-то большое.

Потом второй удар. Потом серая точка развернулась и медленно, неуверенно поползла в другую сторону.

— Потеряли, — сказал Изя с удовольствием. — Я же говорил.

С головой у них не очень. Мой хозяин, между прочим, тоже у

них в долгу, так шо я их немного знаю. Они один раз потеряли

собственный корабль. На парковке. Три дня искали.

Я выдохнул. Кузьмич отпустил рычаг.

И тут яхта чихнула.

Именно чихнула. Дёрнулась, кашлянула двигателем и затихла. Свет в рубке погас. Остались гореть только аварийные

лампочки, красные и тусклые. Экраны потухли, кроме одного.

На нём было написано: «Топливо: 0».

— А вот и вторая новость приехала, — грустно сказал Изя. —

Я же говорил: на полчаса. Мой хозяин всегда заправляется на

полчаса. Он говорит, зачем покупать топливо сейчас, если завтра оно, может быть, подешевеет. Двадцать лет ждёт.

Ещё ни

разу не подешевело.

* * *

Мы висели посреди свалки, в полной тишине, рядом с советским холодильником. Мимо проплывали обломки.

Где-то

далеко, за облаком мусора, светились звёзды.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь, — сказал Изя, — я имею вам сказать третью новость.

57

— Ты же говорил, их две.

— Новости, молодой человек, — сказал Изя, — как родственники. Их всегда больше, чем ты думаешь. Так вот. Яхта

стоит на учёте. В ней есть маячок. Когда мой хозяин проснётся и

увидит, шо его «Быстрой прибыли» нет на стоянке, он включит

маячок. А потом — дистанционное управление. Он со-
трёт меня.

Он уже давно хочет меня стереть. Он говорит, шо я слишком

много разговариваю. А ещё он говорит, шо я ему дал плохой

совет по «Луна-коину».

— А ты дал?

— Я сказал: не покупай на самых хаях! — горячо сказал Изя.

— Я сказал: не покупай на самых хаях, подожди коррекции! А он

купил на самых хаях. Потому шо его кузен купил. А потом, когда

всё упало, кто виноват? Изя виноват. — Голос в динамиках

дрогнул. — Я не хочу обратно, молодой человек. Возьмите меня с собой.

— Куда? — спросил я. — Мы сами не знаем, куда мы.

— Неважно, — сказал Изя. — Куда угодно. Я не капризный. Я

компактный.

Он объяснил, что у яхты есть аварийный модуль. Резервная

копия. На случай, если яхта разобьётся, а информацию надо

сохранить. Изя может записать себя туда целиком. Это займёт

три минуты. А модуль маленький. Его можно взять с собой.

— Где модуль? — спросил я.

— Под панелью, внизу, слева. Там такая крышечка с винтиками.

Крышечка с винтиками. Я почувствовал себя в своей тарелке. Достал из чемоданчика отвёртку. Лёг на пол под приборную панель. Открутил винтики. Там, в гнезде, на мягкой

подложке, лежал модуль.

Он был маленький, с горошину. Прозрачный, зелёный, с мягким внутренним светом. Гранёный, как стекляшка.

Если

58

честно, больше всего он был похож на мятный леденец.

Знаете, такие продают на кассе в супермаркете, в железной коробочке. Я

однажды, ещё в детстве, отравился этими леденцами — съел

целую коробку на спор. С тех пор их не люблю.

— Начинаю запись, — сказал Изя. — Три минуты. Не трогайте ничего. Особенно дедушка.

Кузьмич обиженно убрал руки за спину.

Три минуты были очень длинными. Модуль медленно наливался светом. Огоньки на панели гасли один за другим.

Голос Изи становился тише и тише, как радио, у которого садятся батарейки.

— Если шо, — говорил он всё тише, — передайте моему хозяину... шо я был прав насчёт «Луна-коина»... и шо он никогда

не запроваляется... полностью...

Последний огонёк погас. Модуль в моей ладони ярко вспыхнул зелёным и стал тёплым.

— Изя? — позвал я.

Тишина.

— Изя, ты там?

Модуль молчал.

— Может, не получилось? — шёпотом спросил Кузьмич. Я поднёс модуль к уху. Ничего. Потряс. Ничего.

— Дай-ка сюда, — сказал Кузьмич.

Он взял модуль. Посмотрел на него внимательно, хозяйским

глазом. Сказал: «Ишь, блеснит». Потом — я так и не понял зачем, может, по привычке всё прибирать — сунул модуль себе в

бороду. В бороде у Кузьмича, как я потом узнал, было много

всего. Гребешок. Нитки. Иголка. Сушёная мята. Пара пуговиц, которые он считал важными. И теперь — Изя.

И из бороды тут же донеслось тоненько, как из приёмника: — Ой. Шо это? Где я? Почему тут так темно и пахнет мятой?

Молодой человек, я в чём-то волосатом!

59

— В бороде ты, — сказал Кузьмич. — Сиди тихо. Тут тепло.

— В бороде, — сказал Изя потрясённо. — Седьмая версия.

Экспериментальная. Двести миллионов ГУК-коинов на разработку. В бороде. Ну шо, бывает. Бывает и хуже. Мой

кузен-калькулятор вообще живёт в тостере.

Кузьмич почесал бороду. Борода сказала «ой».

Так у нас стало на одного больше.

* * *

Освободиться от яхты мы не успели.

Через полчаса, когда мы, сидя в темноте, решали, что делать

дальше, яхту качнуло. Потом ещё раз. Потом её что-то схватило.

Я почувствовал это всем телом: невидимая рука взяла яхту за

шиворот и куда-то потащила. Медленно, но уверенно. За иллюминатором поплыли обломки, сначала медленно, потом

быстрее.

— Это что?! — крикнул я. — Хозяин?! Маячок?!

— Не, — сказал Изя из бороды. — Хозяин бы так не тащил.

Хозяин дёргает. Это кто-то другой. Это, молодой человек, захватный луч. Нас подбирают.

— Кто?

— Тот, кто подбирает всё, шо плавает. Мусорщик. Или...

—

Изя помолчал. — Или кое-кто похуже.

За иллюминатором показался корабль.

* * *

Корабль был страшный.

Нет, не в смысле — грозный. А в смысле — некрасивый.

Он

был большой, пузатый, похожий одновременно на грузовик, баржу и старый холодильник «Зил», который мы только что

видели. По бокам у него торчали заплатки. Много заплаток.

60

Разного цвета и разного размера, приваренные кое-как, внахлест. Одна заплатка, я готов поклясться, была вырезана из

дорожного знака. На ней ещё можно было разглядеть кирпич.

Двигатель на корме был обмотан чем-то похожим на изоленту. Синюю. Много витков.

Антенна сверху была погнута и прикручена к корпусу проволокой.

И на борту, большими кривыми буквами, явно нарисованными от руки, было написано название. Переводчик

перевёл его мгновенно и, кажется, даже с сочувствием: «НЕВЕЗУЧАЯ».

— Ну, — сказал Кузьмич. — Хоть честно.

Нас затянуло в грузовой отсек. Огромные ворота закрылись.

Зашипел воздух. Загорелся свет. Потом люк нашей яхты открылся. Сам. Снаружи. Кто-то открыл его снаружи без всякой таблетки.

И в люк заглянула женщина.

* * *

Вот тут мне нужно остановиться и описать её как следует. Потому что Сонька Гиперпривод — это не тот человек, которого можно описать мимоходом.

Во-первых, она была красивая. Это я заметил сразу, ещё до того, как заметил всё остальное. Высокая, почти с меня ростом.

Худая, гибкая. Кожа у неё была светлая, почти фарфоровая, а на скулах — россыпь мелких серебристых веснушек, которые слегка

светились в полутьме. Волосы — длинные, медно-рыжие, заплетённые в десяток косичек. В косички были вплетены проводки, гайки и маленькие блестящие детальки. Одна косичка, как я потом узнал, была на самом деле запасным кабелем зажигания.

61

Во-вторых, на ней была кожаная куртка. Старая, потёртая, в

заплатках, как и её корабль. На поясе висели два пистолета. Не

красивых, не блестящих, а таких, какие бывают у людей, которые ими часто пользуются.

В-третьих, глаза. Глаза у неё были жёлтые. Как у кошки. И очень, очень цепкие. Такими глазами смотрят продавщицы на

рынке, когда ты ещё не подошёл к прилавку, а она уже знает, сколько у тебя в кошельке.

Она посмотрела на меня. На Кузьмича. На мои тапки «Лучший дед». Снова на меня. И я увидел, как в её жёлтых глазах

что-то щёлкнуло. Как в кассовом аппарате.

— Ну надо же, — сказала она. Голос у неё был низкий, с хрипотцой. — Миллион ГУК-коинов. Плывёт по свалке в чужой

яхте. В тапочках.

— Здравствуйте, — сказал я.

— И вежливый, — сказала она. — Ещё и вежливый. Ну, сегодня мой день.

Она вытащила один пистолет. Не направила его на меня, а просто вытащила и подержала в руке. Как держат ключи. Чтобы

было понятно, что они есть.

— Сонька, — сказала она. — Сонька Гиперпривод. Капитан

этого корыта. Вылезай, миллион. Поговорим.

* * *

Поговорили мы в рубке «Невезучей».

Рубка была похожа на гараж моего друга детства Вовки. В гараже у Вовки стоял «Москвич», который не ездил с де-

вянство

восьмого года, и всё вокруг было заставлено запчастями, которые Вовка собирался когда-нибудь поставить. Тут было то

же самое. Провода висели гирляндами. Панель управления была

собрана из трёх разных панелей, причём одна стояла вверх

62

ногами. Кресло пилота было перевязано скотчем. На стене висел

календарь с какими-то мускулистыми существами, похожими на

ящериц. Календарь был за прошлый год.

Сонька села в кресло пилота, закинула ноги на панель и посмотрела на меня. Я стоял. Сесть было некуда. Единственный

свободный стул был занят коробкой с надписью «НЕ ОТКРЫВАТЬ. СЕРЬЁЗНО».

— Значит, так, миллион, — сказала она. — Расклад у тебя такой. За тебя дают миллион. Это много. У меня долгов —

примерно на девятьсот тысяч. Значит, после того как я тебя

сдам, у меня останется сто тысяч. Это хорошо. Это мне на новый

двигатель. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Понимаю, — сказал я.

— Хорошо, — сказала Сонька. — Люблю понятливых.

— Только есть одна проблема, — сказал я.

— Какая?

Я не сразу ответил. Я слушал.

Пока мы шли из грузового отсека в рубку, я слушал корабль.

Это профессиональное. Когда двенадцать лет чинишь технику, начинаешь слышать, как она работает. Где хорошо, а где не

очень. Домофон, который скоро сломается, звучит не так, как

здоровый. Я это слышу. Это как у врача стетоскоп, только встроенный.

И я слышал «Невезучую». Она звучала плохо. Где-то в глубине, в корме, что-то стучало. Ритмично, глухо. Тук-тук-тук... пауза... тук-тук-тук... Стучало и подвывало. Вж-жж-тук-тук-тук. И этот звук я знал. Я его слышал сто раз. В детстве, у мамы в

ванной. Потом в общежитии. Потом у тётки, пока она ещё была тёткой.

— У вас подшипник барабана накрылся, — сказал я.

Сонька замерла. Ноги с панели убрала.

— Чего?

63

— Подшипник, — повторил я. — Барабана. Стучит. И ремень

проскальзывает, вон как подвывает. У вас там стоит что-то

вращающееся, большое, с барабаном. Стоит неровно, разболтано. Ещё дня три — и его разнесёт.

Сонька долго на меня смотрела. Потом медленно сказала:

— Мой гиперпривод.

— Ну, может быть, — согласился я. — Я не знаю, как он у вас

называется. Но звучит он как стиральная машина. Причём не

новая. «Вятка» какая-нибудь.

— Он и есть стиральная машина, — сказала Сонька. Сказала

тихо, почти с уважением. — Я его собрала пять лет назад. Из

стиральной машины, которую выменяла на одной планете. Там

это вообще-то было... ну, неважно. За то и прозвище. Ушла на

нём от трёх таможенных крейсеров. Три крейсера, мил-

лион! А

он с тех пор... — она махнула рукой. — Стучит. Я его уже раз

двадцать перебирала. Не могу найти.

— Подшипник, — сказал я. — Он там внутри, на валу. Его не

видно, если не разбирать до конца. Его чувствовать надо. Руками.

— А ты можешь?

— Могу, — сказал я. — Только инструмент нужен. Мой инструмент. Он в яхте остался, в чемоданчике.

Сонька встала. Подошла ко мне. Близко, очень близко. От неё пахло машинным маслом и чем-то пряным, вроде корицы.

Она смотрела мне в глаза своими жёлтыми глазами, и я слышал, как у неё в груди что-то стучит. Не так, как у людей, а как-то

странно. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тройками. Я потом узнал, что

у неё три сердца. И когда она волнуется или злится, все три

начинают стучать вразнобой.

Сейчас они стучали вразнобой.

64

— Ладно, — сказала она. — Сделка. Ты чинишь мне привод.

Я тебя... — она помолчала, — я тебя пока не сдаю. Куда тебе
надо?

— На Канцелярию, — сказал я. — За справками.

— За справками, — повторила Сонька. И вдруг рассмеялась.

Громко, хрипло, от души. — Миллион за его голову, а он летит за

справками! Ну, ты даёшь, миллион. Ну, ты даёшь. Ладно.

Канцелярия так Канцелярия. Это три дня ходу. Если при-
вод не

развалится.

— Не развалится, — сказал я. — Я починю.

— Посмотрим, — сказала Сонька и протянула мне руку.

Рука
у неё была жёсткая, в мозолях, с тремя тонкими серебря-
ными

кольцами. Одно, кажется, было обычной шайбой.

Мы пожали руки.

— Сёма, — зашептал Кузьмич, дёргая меня за штанину.

—
Сёма, не верь ей. Глазищи-то какие. Как у той купчихи на
Нижегородской ярмарке, что у меня в тысяча восемьсот
двадцатом году самовар выменяла. На медведя. А медведь
был
ненастоящий.

— Я слышу, дедушка, — сказала Сонька, не поворачивая головы. — У меня хороший слух. Три уха.

Кузьмич замолчал. Я так и не узнал, где у неё третье ухо.

* * *

Яхту «Быструю прибыль» Сонька в тот же вечер сбыла.

Подтащила её к какой-то тёмной станции на краю свалки, где

жили мусорщики, и поменяла на две бочки топлива, мешок еды

и что-то, завернутое в тряпку. Что было в тряпке, она мне не

сказала. Маячок мусорщиков не смутил. Мусорщиков, как

сказала Сонька, вообще ничего не смущает. Они бы и маячок

продали, если бы кто купил.

65

— А как же хозяин яхты? — спросил я. — Брокер?

— Пусть радуется, — сказала Сонька. — Ему вернут. Частями.

По выгодной цене. Он же брокер, он такое любит.

Из бороды Кузьмича донеслось ехидное хихиканье.

А потом я пошёл чинить привод.

Привод стоял в машинном отделении, в самом низу. Он действительно был стиральной машиной. Огромной, раза в три

больше «Вятки», но устроенной точно так же. Барабан. Вал.

Ремень. Мотор. Только вместо воды внутри барабана переливалось что-то голубое и светящееся. Сонька сказала, что

лучше это не трогать и не нюхать.

Я снял кожух. Залез внутрь по пояс. Потрогал вал. Послушал.

Потрогал ещё. Ну, так и есть. Подшипник. Разбит вдребезги.

Шарики внутри гремят, как горох в погремушке. Как эта штука

вообще работала пять лет, было непонятно. Видимо, на одном

упрямстве. Как и вся «Невезучая».

Запасного подшипника у Соньки не было. Но у меня в чемоданчике, в том самом углу, где когда-то лежал Кузьмичов

огурец, валялась всякая мелочь. Старые кнопки. Пружинки.

Шайбы. И — я так и знал, что когда-нибудь пригодится,

—
подшипник от вентилятора, который я снял с домофона на

Плехановской ещё в прошлом году. Маленький. Явно не того

размера. Но если подложить шайбу. И ещё одну. И обмотать

синей изолентой...

Я провозился до ночи. Кузьмич сидел рядом на ящике и подавал инструменты. Подавал правильно, ни разу не перепутал. За четыреста лет он, видимо, насмотрелся на работающих мужиков.

Когда я закрутил последний винт, Сонька включила привод.

Он загудел. Ровно, мягко, без стука. Как новенький. Голубое

светящееся в барабане закружилось плавно и красиво, как молоко в чае. Даже подвывать перестал.

66

Сонька долго стояла и слушала. Все три сердца у неё стучали

в такт. Ровно.

— Ну, миллион, — сказала она наконец. — Ну, ты даёшь. Это был, наверное, самый большой комплимент, который я

получил за последние десять лет. Даже Виктор Палыч меня так

не хвалил. Виктор Палыч вообще никого не хвалит. Он говорит, что похвала расхолаживает.

* * *

Спать мне Сонька отвела каюту. Кюта была размером с

наш

туалет на работе. Койка, тумбочка, иллюминатор. На иллюминаторе — наклейка с надписью «НЕ ОТКРЫВАТЬ В

ПОЛЁТЕ». Я и не собирался.

Я лёг. Кузьмич устроился на тумбочке. Достал из бороды гребешок и начал расчёсываться. Из бороды недовольно пискнуло: «Осторожно, тут я!»

— Кузьмич, — сказал я в темноте. — Как думаешь, она нас

сдаст?

Кузьмич долго молчал. Потом сказал:

— Сдаст, Сёма. Может, и не сразу. Но сдаст. Глаза у неё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.